

ЖАК ПРЕЖДЕ,
НО ЛУЧШЕ, ЧЕМ
ПРЕЖДЕ

Комедия в трех действиях

Перевод
И. СОКОЛОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фульвия Джелли (она же Флора и Франческа).
Сильвио Джелли, ее муж.
Ливия, их дочь.
Марко Маури.
Эрнестина Галифи, тетка Фульвии.
Бетта, старая гувернантка.
Дон Камилло Дзонки.
Вдова Наккери.
Джудитта, ее дочь.
Роги, почтальон.
Синьор Чезарино, органист и учитель музыки.
Синьора Варберриана, его жена.
Джованни, садовник.
Приказчик.
Няня.

Время действия — на пы дни. Первое действие — в Вальдикане, второе и третье — на вилле вблизи озера Комо.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в пансионате Дзопки; обширная комната в старом доме, новой штукатурке не удается замаскировать следы ветхости. Сквозь большую стеклянную дверь видна лестница, ведущая на террасу со старой зеленою балюстрадой. Весь фон сцены, за исключением этой балюстрады, ярко-голубой, потому что дом стоит на холме и с террасы открывается широко вид на равнину и прозрачную дорогу, у подножья холма.

Если стеклянная дверь закрыта, то описанного фона не видно, так как на двери висит лояя голубая занавеска из грубого материала, приколоченная к раме.

В гостиной обычная старомодная мебель провинциальных пансионатов, расставленная со щепетильной симметрией. Фаянсовая печь, старинный диван, такие же мягкие кресла и стулья, украшенные подушками и вышивками домашней работы. Старинное трюмо в золоченой раме, зеркало которого закрыто голубой киесей от мух, вазочки с бумажными цветами, горка с фарфоровыми безделушками. На стенах — немного потемневшие банальные олеографии и часы, которые отбивают каждые полчаса; их бой напоминает отдаленный церковный звон.

Из гостиной два выхода — справа и слева.

Ясное утро. Конец апреля.

При поднятии занавеса на сцене Дон Камилло Дзонки, почтальон Роги, вдова Наккери и ее дочь. Последние две стоят на террасе иглядят в сторону долины. Вдова смотрит в бинокль, дочь — заслоняясь от солнца рукой. Она следит за дорогой, которая поднимается на холм, — не покажутся ли экипажи, возвращающиеся со станции. Дон Камилло и Роги находятся в зале. Дон Камилло сидит на диване. Роги стоит. Вдова Наккерри лет пятьдесят; она носит забавный паричок из мелких кудряшек, который спускается на лоб. Ее худое угловатое лицо с ввалившимися глазами без ресниц, напудренное и грубо раскрашенное, производит отталкивающее впечатление раскрашенной куклы. Она одета слишком молодо для своих лет, затянута, отчего кажется еще безобразнее и смешнее; говорит отрывисто и повелительно с зятем, брезгливо с дочерью, которой завидует; ко всем другим обращается с томным величием разорившейся

дамы. Дочери ее Джудитте двадцать восемь лет. Она брюнетка мужем, скромна и мечтательна; волосы капитановые, лицо бледное, испитое. Она имеет вид сироты, которую приютили из милости. Дон Камилло Дзоини — пятьдесят четыре года. Местный приходский священник и школьный учитель. Это первый и раздражительный человек, со злыми маленькими глазами в очках. Он переносит пренебрежительное отношение невестки, засты в постыдной прищуренности. Он хозяин пансионата, но ведет себя скорее как жилец Наккери, предоставляя ей право заведовать пансионатом. Дон Камилло без сутаны, в длинной блузке из черной саржи с белым воротником священника, в коротких брюках, длинных шерстяных чулках и в башмаках с пряжкой. Почтальон Роги — человек лет сорока, тучный, мрачный, небритый много дней; носит охотничью куртку, старый белый картуз, грубые деревенские сапоги со шпорами.

Дон Камилло (*в ожидании смотрит на дорогу, затем обращается к двум женщинам*). Ничего не видать, а?

Роги (*немного помягчав*). Еще слишком рано.

Дон Камилло (*раздраженный, не получая ответа*). Эй, Джудитта! Я тебя, кажется, спрашиваю?

Наккери (*появляясь в дверях, злобно, язвительно*). Мне кажется, что если кто-нибудь из нас мог бы видеть, то, во всяком случае, — я, а не Джудитта, и спросить следовало бы меня, потому что я (*показывает большой бинокль*) смотрю в это и вижу лучше, чем она.

Дон Камилло. Не сердитесь, Марианна. Даже и с этим (*надевает очки*) я все-таки вижу хуже, чем синьор Роги.

Роги. О да, благодарение богу, мои глаза...

Наккери. И мои не плохи, синьор Роги, и мои! Я не нуждаюсь в очках, я читаю без очков, работаю без очков и вижу многое такое, что только господь знает, следовало ли бы мне видеть!

Дон Камилло. Помню, Марианна, мы говорим во все не о том, что вам следует видеть и что не следует, а о колясках, которые должны вернуться со станции.

Джудитта (*продолжая наблюдать*). Вот она, вот она! Уже едут две, но они едут вниз.

Наккери выбегает на террасу и смотрит в бинокль.

Дон Камилло. Вниз? Как — вниз? Не может быть!

Джудитта. Да, вот еще одна коляска Додо.

Наккери. Что ты мелешь, какой там Додо? Коляска Додо первая!

Джудитта. Да нет, мама, посмотрите же хорошенько — третья.

Наккери. Первая!

Дон Камилло. Не все ли равно — первая или третья, раз они едут вниз...

Наккери (*поворачивается к зятю, язвительно*). А я говорю, что первая.

Роги. Мне кажется, что трудно различить что-нибудь на таком расстоянии. Отсюда они кажутся такими маленькими-маленькими. (*Показывает на свой палец*.) А что касается Додо, то, извините меня, синьора Мариана, я видел, как он выехал последним.

Наккери. Это ничего не значит. У Додо такая лошадь — настоящий дьявол, хуже его самого. Хоть и последней выедет, а приедет всегда первой.

Джудитта (*матери, продолжая смотреть вдаль*). Смотрите, смотрите! Он уже перегнал вторую коляску и нагоняет первую, значит, это он!

Наккери ножимает плечами и входит в гостиную.

Дон Камилло. Не понимаю, почему они сегодня запаздывают. Обыкновенно в это время...

Часы бьют одиннадцать.

в одиннадцать часов они уже подъезжали и их можно было видеть на втором повороте дороги. Кстати, Джудитта (*останавливается в смущении и старается его подавить*), скажи мне...

Наккери (*со злобой, язвительно*). Джудитта! Беги скорей сюда, да потопралливайся! Твой дядюшка желает что-то спросить тебя!

Дон Камилло. Ничего, ничего... я хотел только сказать (*старается сделать непроницаемое лицо*), я хотел только спросить об одном, да, да, именно не вас, а ее!

Наккери (*вызывающе*). Ну что же, спрашивайте, послушаем.

Дон Камилло (*к Роги*). Я посоветовал профессору, когда он будет возвращаться, остановить коляску

внизу, у нашего сада, а самому идти на прямик через сад. А коляска нускай себе едет кругом по дороге.

Наккери. Ну, а дальше?

Дон Камилло. Вот я и хотел спросить Джудитту, не забыла ли она открыть калитку внизу.

Наккери. Только и всего? (*Поворачиваясь к дочери, которая стоит смущенно в стороне.*) Ну, отвечай же своему дядюшке, не забыла ли ты об этом.

Джудитта (*не глядя на нее, с досадой*). Конечно, не забыла.

Наккери (*с ироническим поклоном в сторону зятя, как бы отвечая за свою dochь*). Калитка открыта.— Приказ дядюшки! Как же можно забыть его? Разве она когда-нибудь слушалась так своего мужа? Слушайся она его, как своего дядюшку, не сидела бы эта дура у меня на шее — ни девка, ни баба.

Роги. Дон Камилло, а вы уверены в том, что профессор вернется сегодня? Мне не хотелось бы ждать его понапрасну.

Дон Камилло. Ну, конечно, вернется, вернется наверное.

Наккери. Хотела бы я посмотреть, как это он не вернулся бы? Осточертело мне все это!

Дон Камилло. Побойтесь бога, Марианна!

Наккери. Осточертело, осточертело, осточертело!

Дон Камилло. Не беспокойтесь, пожалуйста, он вернется. Но мне кажется, дорогой Роги, очень сомнительным, почти невозможным, чтобы он принял ваше приглашение.

Роги. Неужели он откажется поехать взглянуть на больную!

Дон Камилло. Хотя бы даже и взглянуть!

Роги. Мне хотелось бы, чтоб он только взглянул на мою бедную девочку!

Дон Камилло. А какой толк в том, что он поедет и посмотрит на нее. Он же вам сказал, что нужна операция.

Роги. Если б он только согласился, я бы отвез его на автомобиле.

Джудитта. Я уверена, что он не откажет; он — сама доброта.

Дон Камилло. Да. Но он не может, понимаете, после чуда, которое случилось здесь...

Наккери (*перебивая его*). Как раз именно здесь надо было случиться этому чуду!

Дон Камилло (*бросая злобный взгляд на свою невестку и как будто не обращая внимания на ее вмешательство*). Если эта слава о нем распространится, его начнут просто рвать на части...

Роги. Но если он вчера мог поехать в Сартеапо, почему же ему не поехать сегодня ко мне?

Дон Камилло. Я же говорю вам, что это невозможно! У него по меньшей мере двадцать вызовов!

Наккери. Не доставало бы еще, чтобы из жалости к другим он засел у нас тут еще на второй месяц!

Дон Камилло. В Мерате у него осталась дочь, у него там свои дела. Он приезжал тогда с намерением остаться только на один день...

Наккери. А застрял на целых сорок пять!

Джудитта. Кажется, что дочь его еще ничего не знает.

Роги. О чем? О матери?

Дон Камилло (*подмигивая ей указывая рукой на дверь налево*). Тише, тише! Она уже встала. (*Тайно к Роги.*) Подумайте, дорогой Роги! Как мы тут все с ума не сошли! Просто не понимаю!

Роги. Из-за этого судьи?

Дон Камилло (*раздраженно*). Какой тут судья, какой тут судья! Не говорите мне о нем, ради бога!

Джудитта (*мягко и печально*). Сумасшедший, одно слово!

Дон Камилло (*прерывая ее*). Которого следовало бы связать.

Джудитта (*жалобно*). Сколько мы из-за него перетерпели.

Дон Камилло (*раздраженно и желчно, опять прерывая ее*). Черт! Тысяча чертей! Вспомнить о нем не могу!

Наккери (*которая все время наблюдала за дядей и племянницей*). Внимание, синьор Роги, внимание! Пополните только, как говорят эти двое!

Дон Камилло. Что значит «говорят»?

Наккери. Одна так нежно, жалобно. (*Подражая голосу Джудитты, гнусаво.*) «Сколько мы перетерпели!», а он, вспыхнув, как плом-пуддинг: «Черт! Тысяча чертей!»

Роги (*не может удержаться от смеха*). Вам все хочется пнутить, синьора Марианна!

Дон Камилло. Не ко времени! Разве я исправ, что в это дело замешан черт!

Наккери. А разве это прилично, чтобы черт заводился в доме такого священника, как вы! Сущес землетрясение, говорю я вам! И поверьте мне, синьор Роги, как бы я потешалась, если бы здесь опо встяхнуло хороменько и дядюшку и племянницу, лишь бы мне самой целой остаться!

Дон Камилло. Если б можно было все предвидеть!

Наккери. Не велика заслуга раздумывать задним числом.

Дон Камилло. Но кому же могло прийти в голову, что муж приедет сюда?

Наккери. Вам, конечно, потому что вы ведь сами вызвали его.

Дон Камилло. Нет, господа, ничего подобного. Я написал в Мерате, исполнил свой долг священника, как только принял ее исповедь.

Роги. После того как синьора пыталась застремиться?

Дон Камилло. Вот именно. Она пожелала исповедаться, чтобы умереть примиренной со всеми. Через меня она просила прощения у мужа. И профессор мог бы ответить мне письмом на мое письмо. Но нет, господа, по доброте своей он предпочел присехать сюда, чтобы лично простить ее.

Роги. И встретил здесь того, другого?

Дон Камилло. Который как снег на голову свалился на Перуджи несколько часов спустя, после того, как синьора стрелялась. В первые минуты был такой переполох, что мы даже и не заметили, как он вошел.

Джудитта. Мы даже не знали, кто эта дама.

Дон Камилло. Мы обратили на него внимание только тогда, когда он стоял у ее кровати и рыдал, рыдал, как безумный.

Роги. Значит, любовник?

Наккери. Любовник, любовник. Но какой любовник? Один из многих. Последний!

Роги. А почему же синьора, позвольте спросить, решила покончить с собой?

Наккери. Ну да, знаем мы эти штучки!

Джудитта. Умоляю вас, тише, тише!

Наккери. Скажите пожалуйста, что за нежности! Нечего разводить тут столько церемоний с такой...

Дон Камилло. Прошу вас, хотя бы из уважения к профессору!

Наккери. Вы хлоопчете, чтоб он вам побольше заплатил! А за все беспокойства в течение этих двух месяцев — кто пам заплатит?

Дон Камилло. О, стоит ли об этом говорить! (*Потом лицемерно к Роги.*) Синьора тринадцать лет назад покинула домашний очаг и... (*Останавливается, опуская глаза, делая снисходительный жест.*)

Наккери (*передразнивая сокрушенную мину своего зятя*). И... и... (*Порывисто обрывая.*) Скажите пожалуйста! Здесь всем хочется погрешить, дорогой мой, расчитывая на снисхождение и долготерпение божие, надеясь, что ответ мы будем держать там, а что касается нас, смертных, то на наше мнение пллюют, уверяю вас!

Дон Камилло. Но это неправда!

Наккери (*продолжая в том же духе*). Вальдикнаша велика. В ней много папсионов для гостей, приезжающих лечиться на водах. Не па одном моем папсионе свет клином сорвался. Так вот же, как нарочно, именно по мне должна была приехать эта дама, и это по вашей вине, синьор (*указывает на священника*), да и по ее тоже. (*Указывает на дочь.*)

Джудитта. Ну вот. Я всегда виновата во всем.

Наккери. Виновата потому, что каждое слово твоего дядюшки принимаешь за евангельскую истину, и в конце концов все наисти обрушиваются па мою голову. Ну, да уж больше меня не проведете! Довольно вы меня морочили!

Дон Камилло. Я видел, как она подъехала вечером в коляске; как раз Додо привез ее. Я тогда возвра-

щался из школы. Она ехала одна-одинешенька, такая грустная-грустная, с одним чемоданчиком.

Наккери. К несчастью, меня тогда не было дома.

Джудитта. Но мы же ей сказали, мама, что пансион еще не открыт для приезжающих.

Наккери. Не надо было ее совсем пускать.

Дон Камилло. Как? Не пустить ночью одинокую даму? Она так просила, умоляла позволить ей только переночевать.

Джудитта (*всплескивая руками*). А почему...

Наккери. А почему, среди полной тишины — вдруг выстрел. Дорогие мои, я подскочила на вершок от крови.

Роги. И она попала прямо в живот?

Дон Камилло. Но она целила в сердце...

Наккери. Вы так думаете?

Дон Камилло. Конечно. Не забывайте, что она женщина. Когда она пожала курок, рука дрогнула, и она попала в живот.

Джудитта. Мы сбежались все. Бедняжка, она лежала на кровати...

Наккери. Нечего сказать, бедняжка!

Роги. Что вы, конечно, бедняжка! В таком тяжелом состоянии...

Дон Камилло. Бледная, как полотно. И она улыбалась еще, как бы умоляя о прощении, и говорила, что все это пустяки... Она (*указывая на Джудитту*) побежала за врачом.

Роги. За доктором Балла?

Дон Камилло. Вы знаете, какой он!

Роги. Как мне не знать? Из-за него-то и погибает теперь моя бедная девочка!

Дон Камилло. И тут он, конечно, объявил, что ничего помочь нельзя. Когда же приехал профессор, он сказал, что если бы операция была произведена вовремя, она была бы вне опасности; теперь же, когда ему пришлось сделать операцию через четыре дня, после того как уже началось воспаление, он не может ручаться за исход.

Джудитта. А этот сумасшедший приехал и не позволял делать операцию!

Роги. Ах да, любовник! Он не хотел, конечно, чтобы ее оперировал муж.

Дон Камилло. Он был как бесноватый! Собирался унести ее на руках, только бы не дать мужу дотронуться до нее.

Роги. Ну и дела!

Дон Камилло. Он кричал, что, если муж ее спасет, она будет потеряна для него.

Джудитта. Он желал ей смерти!

Роги. А муж? Каково ему было видеть любовника своей жены, да еще около нее!

Дон Камилло. Он рассердился на меня.

Наккери. И за дело!

Дон Камилло. Как будто бы я не сделал все от меня зависящее, чтобы выпроводить этого сумасшедшего до приезда профессора. Но он ничего и слышать не хотел, даже после того как приехал тот, который все же был ее законным мужем.

Джудитта при этих словах идет снова на то же место, где стояла раньше, чтобы посмотреть, не едет ли коляска.

Наккери. А вы посмотрели бы, как они встретились!

Роги. Могу себе представить!

Дон Камилло. Под предлогом, понимаете, что перед смертью не может быть ревности и что после всего того, что произошло за эти трипдцать лет, муж не может больше питать злобы против него... Однако пришлось вывести его с полицией.

Джудитта (*с террасы*). Вот, вот, возвращаются коляски!

Наккери убегает как гусыня.

Дон Камилло. Наконец-то!

Джудитта (*с криком ужаса*). Это он, опять он!

Роги. Кто?

Дон Камилло. Как, этот сумасшедший? Он опять приехал?

Наккери. Он, он! Снова объявился!

Дон Камилло. Как же теперь быть? Ведь муж вот-вот приедет!

Джуидита (*убегая в испуге*). Он бежит сюда! Прескочил через садовую ограду!

Роги. Какая наглость!

Дон Камилло. И снова в отсутствие господина профессора! Не дай боже, попадется ему на глаза!

Наккери. И какой он возбужденный, как размахивает руками! Вот так, вот так! (*Показывает.*)

Дон Камилло. Помогите нам, ради бога, дорогой Роги. Его нельзя пускать сюда, к синьоре. Уйдемте, уйдемте все отсюда. (*Указывает влево и идет туда, подталкивая других.*) Закроем эту дверь, закроем эту дверь! (*Закрывает стеклянную дверь, уходя с Наккери, Роги и Джудиттой.*)

Почти одновременно открывается дверь справа и входит неуверенной походкой Фульвия Джелли. Она очень бледна, как человек только что поднявшийся с одра смерти. В глазах ее лихорадочный огонь, на лице застыло выражение мрачного отчаяния. Приехав сюда с намерением умереть, она не привезла с собой никаких вещей и потому одета в свой дорожный костюм, представляющий кричащий контраст с бесприспособным отчаянием на ее лице.

Еще большие дисгармониируют с выражением ее лица чудесные, окраинные в ярко-рыжий цвет волосы, в беспорядке обрамляющие бледное лицо. Лиф на груди расстегнут, точно она не имела сил застегнуть его. Фульвия, по-видимому, с ненавистью относится к своей красоте, как к чему-то, что уже давно не принадлежит ей, и мысль о том, что ее прекрасное тело служило источником паслаждения, вызывает в ней холодное отвращение. Фульвия делает несколько шагов по направлению к стеклянной двери, откуда доносятся возбужденные голоса двух женщин, дона Камилло и Роги, которые стараются загородить дорогу Марко Маури. Но он винзанным толчком отбрасывает всех, распахивает дверь, подбегает к Фульвии, которую он называет Флорой, и неистово сжимает ее в своих объятиях. Маури — мужчина лет сорока, худощавый брюнет. Глаза у него беспокойно воспалены, как у человека, страдающего бессонницей, но вместе с тем они очень выразительны и горят каким-то восторгом. У него выпуклый лоб, черные, с проседью на висках, вьющиеся волосы, расчесанные на пробор. Густые черные брови. Говорит и жестикулирует он с известной театральностью, которая свойственна человеку экзальтированному, но театральность эта не лишила горячности и искренности. Временами он сам замечает ее и тогда начинает сердиться на себя и переходит на интимные, мягкие ноты; так как переходы эти бывают неожиданы, они составляют контраст с его прежним настроением и производят странное впечатление, располагающее к нему.

Фульвия сначала с ненавистью отталкивает его, но потом, задыхаясь от его страстных ласк и от волнения, обессиленная только что перенесенной болезнью, почти без чувств падает ему на руки.

Маури (*бросаясь к Фульвии и обнимая ее*). Флора! Флора моя! Флора! Флора! Я свободен! Свободен! Я вернулся к тебе! Я свободен, свободен от всех, от всего! (*Замечая, что она без чувств падает ему на руки, кричит.*) Флора моя!

Дон Камилло, Роги, Наккери, Джудитта, вошедшие вслед за Маури, бросаются к нему с угрозами и кричат, перебивая друг друга.

Роги. Да разве вы не видите, черт вас возьми, что ей дурно!

Дон Камилло. Что это за насилие!

Джудитта. Опа в обмороке, она в обмороке!

Маури. В обмороке? Нет, нет! — Флора!

Дон Камилло (*угрожающе*). Оставьте ее! Оставьте и убирайтесь вон отсюда, сейчас же!

Маури (*не обращая на них внимания, поддерживая Фульвию*). Флора моя... Флора!.. Флора!..

Дон Камилло (*к женщинам*). Да отнимите же вы ее у него!

Джудитта и Наккери приближаются к Маури.

Джудитта. Отпустите ее... отпустите ее.

Маури (*кричит угрожающе*). Не смейте к ней приставаться!

Дон Камилло. Какое вы имеете право!

Маури. Опа моя! Моя!

Дон Камилло. Ну уж нет, сильзор! Здесь есть муж!

Маури. Пускай приходит! Где он? Пускай вырвет ее у меня из рук, если посмеет!

Роги (*видя, что Фульвия потеряла сознание*). Пологите же ее по крайней мере на диван!

Джудитта (*подбегает и помогает ему поддерживать Фульвию*). Сюда, сюда, я помогу вам!

Маури (*переносит Фульвию на диван*). Ничего, ничего! Она уже приходит в себя.

Джудитта. Я побегу, принесу флакон с солью. (*Бежит налево, вскоре, возвращается с солью.*)

Наккери (*зяято*). Вы-то чего смотрите? Разве вы не хозяин здесь?

Роги (*к Камилло*). Ведь это, в конце концов, ваш дом!

Маури (*выпрямляясь, с горящими глазами, кричит с ударением на каждом слоге*). Нет, синьор! Это гостиница!

Дон Камилло (*с раздражением*). Как? Что? Когда? Кто вам сказал, что это гостиница? Где это написано?

Маури. Впизу на двери: «Папсопат Дзолки».

Дон Камилло. Да, синьор, по только летом! Теперь у нас не сезон, понимаете. А сейчас это мой дом, и я имею право принимать здесь кого мне угодно.

Маури (*кричит*). Не смейте так кричать!

Дон Камилло (*ошеломленный*). Скажите пожалуйста, это я-то кричу!

Маури. Кричите или не кричите — я все равно не уйду отсюда!

Дон Камилло. Нет, вы уйдете, вы уйдете, потому что...

Наккери (*перебивая его, кончает фразу*). ...потому что это не ваш дом!

Дон Камилло (*продолжая*). И потому что вам тут делать нечего! Ясно?

Маури (*вместо ответа наклоняется к Фульвии и дает ей нюхать флакон с солью, принесенный Джудиттой. Джудитте*). Дайте сюда, дайте еще...

Дон Камилло (*к Роги*). Полюбуйтесь-ка на него, пожалуйста!

Маури (*склонившись над Фульвией*). Флора моя! Я здесь... Встань... Ты вздохнула. Тебе лучше... а я, я свободен! Ты слышишь! И я увезу тебя отсюда!

Дон Камилло (*решительно подвигаясь вперед*). Вот уж пет! Можете быть уверенным, что вы отсюда никак не увезете!

Маури. Не вы ли мне помешаете?

Роги (*выступая вперед*). Могу помешать и я в случае падобности.

Дон Камилло. Это излишне, мой милый Роги, потому что через несколько минут здесь будет муж.

Маури. Я и приехал для того, чтобы встретиться с ним.

Дон Камилло. Он вас снова велит выбросить вон!

Маури. Ну, это мы еще посмотрим! — Не из-за него хотела покончить с собой эта женщина! — Из-за меня! Из-за меня!.. А я, я для нее, я, Марко Маури, и бросил свое положение, свою семью, свою жену, своих детей! (Оглядывая всех, потом к Роги.) Посмотрим, возможно ли, чтобы кто-нибудь нас теперь разлучил!

Дон Камилло (видя, что Фульвия начинает по немногу приходить в себя). Но она сама, опа сама, эта дама, уйдет от вас!

Маури (быстро поворачиваясь к Фульвии). Ты, Флора! Ты уйдешь от меня?

Фульвия, еще не совсем пришедшая в себя, но уже мрачная, поднимает руку, чтобы отстранить Маури, и поворачивается к Дону Камилло.

Дон Камилло. Я уверяю вас, синьора, что он ворвался силой, пользуясь отсутствием синьора профессора, вашего супруга.

Фульвия (поднимаясь, к Маури). Что вам еще надо от меня?

Дон Камилло. Ну вот, я ведь говорил!

Маури (потрясенный). Флора!.. О боже мой!.. Ты говоришь мне «вы»!

Фульвия (раздраженно). Но ведь мы с вами едва знакомы!

Дон Камилло. А вы обманули ее, эту даму, я знаю.

Маури (гневно). Да замолчите вы наконец!

Дон Камилло. Да, да! Вы обманули ее! Вы обманули ее! Она сама сказала мне это!

Маури (Фульвии). Как! Что ты говоришь? Ты сказала, что мы с тобой едва знакомы? Со мной, Флора? Со мной, который отдал тебе всю свою жизнь!

Фульвия (с отвращением). Перестаньте вы наконец!

Маури (растерянно). О боже мой! Что же это такое? Но ты, Флора...

Фульвия. Я не Флора.

Маури. Фульвия, Фульвия, я знаю! Но ты сама хотела, чтобы я называл тебя Флорой...

Фульвия (*с жестоким презрением*). Может быть, вы хотите еще рассказать этим господам, при каких обстоятельствах это было?

Маури (*оскорбленный*). Нет! Я? А? Но тогда ты на самом деле презираешь меня?

Фульвия (*садясь, углубленная в себя, мрачная, шепчет раздраженно*). Никого я не презираю.

Маури (*настойчиво*). Потому что я обманул тебя?

Фульвия (*с отчаянием*). Да нет же, говорю вам!

Маури (*к дону Камилло*). Вы меня обвиняете в этом? Я сам кричал всем, всем вам здесь, что я вдвойне терзаюсь угрызениями совести! Я кричал это в лицо твоему мужу! Все могут засвидетельствовать это! Скажите, скажите! Не кричал я ему разве, что он обманщик? Обманщик, да, обманщик! Он приехал сюда «прощать»! Он — прощать! Когда он должен был броситься перед тобой на колени и умолять о прощении, так же как и я, так же как и я! Вот так! (*Бросается на колени и кричит*.) Потому что оба, оба мы обманули ее, эту женщину!

Фульвия (*медленно встает и говорит тихо, холодно, со страшной усталостью*). Боже мой, опять это представление... Как отвратительно!

Маури (*как будто смотря на себя ее глазами, продолжая стоять на коленях*). О да! Отвратительно! Да! Ты права. Я замечаю это сам! (*Закрывает лицо руками, рыдая*.) Но это не я: это моя страсть, Флора! Не я кричу: кричит она! Мне самому противно слышать этот крик. Но я не могу иначе! Я хотел бы не кричать, а я кричу! (*Вскакивает с колен, стараясь взять себя в руки*.) Я приехал сюда, чтобы доказать тебе, что я не лгал, я говорил тебе правду, то, что было правдой для меня! У меня никого не было в жизни, кроме тебя! И только на несколько дней! — Двадцать дней! Только двадцать дней за всю мою жизнь!

Фульвия. Хорошо. Двадцать дней. Опп пропали, и довольно.

Маури. Как — довольно? Нет! Сейчас, Флора? Сейчас, когда весь этот обман копчился?

Фульвия. Обман? О каком обмане вы мне говорите?

Маури. О моем. О том, как я обманывал тебя! —
Теперь все кончено, кончено! Я свободен
сейчас!

Фульвия (*мрачно смотрит на него, как будто только сейчас начинает обращать на него внимание, в связи с какой-то мыслью, которая овладевает ею*). В чем же
твоя свобода?

Маури. В возможности распоряжаться собой! Я бро-
шил все! Я вышел в отставку! А моя жена? Знаешь, она
сама открыла мне двери! «Уходи с богом, скатертью до-
рога!»

Наккери. Вот так так!

Маури (*быстро поворачиваясь к ней*). Она никогда
не любила меня! Всегда была мне чужой! Она богата,
самостоятельна; у нее дома, имения. Только злобный ин-
стинкт толкнул ее разыскать Флору в Перудже и сказ-
ать ей... (*Поворачивается к Фульвии, которая снова сидит, углубленная в свои мысли и как бы отсутствующа*.)
Что она сказала тебе? Что она сказала тебе? Я еще не
знаю, что она сказала тебе! (*И так как Фульвия не отве-
чает, он продолжает, обращаясь к другим*.) Может быть,
она, понимаете ли, думая, что возвратит мир семье, и
приехала сюда, чтобы шокировать с собой, убрать себя с
дороги. (*Приближается к Фульвии, весело готовясь что-то
сказать ей, но слова застревают у него в горле; все же,
сделав над собой усилие и собравшись с духом, говорит
с развязностью, которая одновременно делает его и жал-
ким и смешным*.) Но теперь обман кончен! Представь
себе только... да, я не стыжусь сказать тебе это... жена
сама, своими руками, дала, дала мне... да, дала немногого
денег на дорогу.

Фульвия (*поднимая голову, быстро прерывает его,
чтобы не возбуждать любопытства присутствующих*). Ну
а потом?

Маури (*ошеломленный неожиданным вопросом*).
А потом? Что ты хочешь этим сказать?

Фульвия. Что вы предполагаете делать?

Маури. Что я думаю делать? О! Что я думаю де-
лать? — Но ты ведь со мной! Что же мне еще надо? Я буду
все делать! Я начну давать концерты... Я могу, — ко-
нечно, в небольших городах...

Фульвия (*поднимаясь, холодно*). Прошу вас рассказать все это ему, как только он вернется.

Маури (*с бурной радостью, между тем как все остальные ошеломлены*). Я! Ему? Ты хочешь, чтобы я сказал ему это?

Фульвия (*с еще большей холодностью прерывает его, к дону Камилло*). Мне кажется, он должен был бы уже приехать?

Дон Камилло. Да. Я, право, не знаю, чему приписать это опоздание...

Маури. Я с радостью скажу ему это, с радостью... А теперь, когда ты согласна... как я счастлив!

Фульвия (*нетерпеливо*). Прошу вас... прошу вас...

Маури. Но, Флора! Ведь это не я! Согласись, ведь это ты, ты так серьезно смотрела на это! Как могла ты так поступить... извини меня, пожалуйста... из-за этой старой верблюдиши.

Роги (*не в силах сдержать смех*). Послушайте только!

Наккери (*клохча*). Ха-ха-ха-ха! Это так он называет свою супругу.

Дон Камилло (*точно так же*). Да ведь я же говорил вам, что он сумасшедший!

Маури (*с глубокой серьезностью*). Старый верблюд, уверяю вас, господа. На десять лет старше меня. Хромоногая! Мужичка... Она видела ее. (*Ноказывает на Флору*.) Я женился на ней только потому, что у нее был рояль.

Наккери (*еще громче смеясь*). Ха-ха-ха-ха! (*Заряжает своим смехом Роги и Джудитту*.)

Маури (*все так же серьезно*). Простите меня, синьора, но, кажется, нет ничего смешного в том, что я говорю.

Роги (*продолжая смеяться*). Ну как же нет, скажите пожалуйста!

Маури. Вы не понимаете, что значит в возрасте двадцати пяти лет, с головой, полной самых прекрасных мечтаний, приехать в захолустье, еще более глухое, еще более отвратительное, чем ваше, и плесневеть там четыре, пять, десять бесконтрольных лет, исполняя обязанности судьи!

Роги (*к дону Камилло*). Значит, он на самом деле судья!

Дон Камилло (*с убеждением*). Он помешанный.

Маури (*продолжая так же серьезно*). Я вышел в отставку. Вы не можете себе представить, что это была за жизнь! Хуже, чем ваша здесь. Даже ты, Флора, не можете себе ее представить, ты, которая прошла через все ужасы жизни! Боже мой, ты по крайней мере знаешь, что такое ужас, по жизни, соткавшая из пустоты, но стоит ничего! Это тень! Молчание! Время, которое остановилось! Воды для питья — и той не было. Вода только из цистерны, горькая, гнилая... Это все было бы еще ничего! Но эта тишина! Эта тишина! Подумайте только! Сыншико как скользит веревка, на которой спускают ведро в цистерну, скрип блока! А дома! дома... Старый, пыльный, грязный стол с наваленными на нем судейскими бумагами — и ползущая по ним муха. И вот вся жизнь тут, в этой мухе, на которую вы смотрите часами и часами. — И представьте себе, однажды, посреди этой тишины, звук рояля, единственного во всем городишке. Меня потянуло к нему, как измученного каждой человека тянет к воде! И, сипьоры, я женился на женщине, которая мне тогда показалась прекрасной, умной, только потому, что у нее был рояль, потому что, понимаете, я учился музыке и никогда не изучал законы. — Я музыкант, а эта женщина, с первого же дня после свадьбы — стала меня звать судьей, да, да, она этому же научила сыновей! — Их у меня четверо, все они живут с ней, в деревне, но-гра-мот-ны-е. И они, они также, они никогда не звали меня «папа», они также зовут меня «судья», как мать. Дома — судья, на службе — судья!

Все, кроме Фульвии, хохочут

Роги (*сквозь смех*). Вот так история, вот так история!

Маури. Смейтесь, смейтесь! Теперь и я могу смеяться! — теперь я свободен! Да! И расстались мы полюбовно. Опа даже проявила нежность. А я, уверяю вас, я хотел задушить ее.

Дон Камилло (*увидев в саду Сильвио Джелли*).
О, слава богу, наконец-то и вы, синьор профессор.

Сильвио Джелли — мужчина около пятидесяти лет, широкоплечий, костилистый. Носит очки в золотой оправе. У него бритое лицо, небольшая лысина, но на лоб и виски падают пряди светлых волос, которые он время от времени отбрасывает задумчивым привычным жестом, задерживая при этом руку. На лице его следы душевной муки от переживаемого им внутреннего кризиса, который он старается скрыть. Поэтому он часто кажется абсолютно безразличным и на губах его застывает неопределенная, холодная усмешка. Иногда лицо его принимает ироническое выражение и на нем можно прочесть отражение пылких страстей, хотя подавляемых, но еще не окончательно побежденных. Если затролупить его в минуту этой инертности и безразличия, которыми он прикрывается, как маской, неопределенная улыбка превращается в судорожную гримасу боли, будто еще и физическая боль присоединяется к его нравственному страданию. Но после этой гримасы на лице его появляется выражение усталости, чувства собственного достоинства, как будто он хочет показать этим, что далек от всех страстей, которые все же время от времени глубоко потрясают его. При его появлении Фульвия копытным движением вскакивает на ноги, руководимая тем же инстинктом, который триллаждцать лет назад привел ее к падению. Для нее настал решающий момент, и вся ее фигура выражает твердую решимость выгодно использовать для себя присутствие своего обезумевшего от страсти любовника.

Сильвио (*замечая присутствие Маури, его веселость и веселое настроение других, а также подозрительную недоверчивость жены*). А вы опять здесь?

Маури (*прерывая*). Да, синьор профессор. Я приехал, чтобы...

Фульвия (*быстро прерывая его, повелительно*). Дайте сказать мне! (*Мужу, решительно*) Да, он снова здесь. Попрошу вас, господа, оставить нас.

Дон Камилло. Сию минуту, синьора, мы уйдем. Позвольте мне только сказать два слова синьору профессору.

Фульвия (*прерывая снова, чтобы покончить с его объяснением*). Вы хотели сказать, что этот синьор ворвался сюда силой. Хорошо, хорошо!

Маури (*к дону Камилло, указывая на Фульвию*). Ну, мы уже пришли к соглашению!

Наккери (*зятю*). Уже договорились! Вот так история!

Сильвио (*Фульвии*). Может быть, ты сама просили его приехать?

Фульвия. Нет, нет. Как раз об этом нам нужно с тобой поговорить.

Сильвио. Мне кажется, что вы как будто пришли уже к какому-то соглашению.

Фульвия. Ни к какому соглашению мы не приходили, неправда!

Маури. Я приехал сам.

Фульвия. Да замолчите же вы!

Дон Камилло (*приглашая жестом Роги, Джудитту и Наккери выйти*). Идем, идем!

Наккери (*оборачиваясь*). Сейчас, сейчас... Но позвольте сказать мне этим синьорам, что мы...

Дон Камилло (*как на иголках*). Идем, идем, Марияна, вы потом успеете поговорить.

Наккери. Я хотела только сказать, что уже конец апреля, а в мае начинается съезд на воды иностранцев.

Сильвио. Что касается меня, синьора, то я расчитываю уехать отсюда очень скоро.

Наккери. Надеюсь, что вы предпишете это и вашим больным, синьор профессор! Потому что нам уже пора приводить в порядок наш пансионат.

Дон Камилло. Пожалуйста, синьор профессор, не подумайте...

Сильвио. Вы отлично знаете, что неотложные дела заставляют меня уехать как можно скорее.

Роги. Но если вы еще не сегодня уезжаете, синьор профессор, то я хотел попросить вас...

Сильвио (*жене, не обращая внимания на Роги*). Прошу вас...

Роги. Я не настаиваю, синьор профессор, я могу подождать — я подожду, я приду за вами еще раз...

Дон Камилло. Идемте, идемте теперь. (*Выталкивает за дверь Роги, Наккери и Джудитту, сам выходит последним с поклоном и закрывает за собой дверь.*)

Фульвия (*быстро и первно*). Сильвио, этот синьор, с которым я едва знакома...

Маури (*оскорбленный, протестуя*). Это неправда, Флора!

Фульвия. Я же вам сказала, что говорить буду я!

Маури. Ты говоришь такие вещи!

Фульвия. Не все ли равно для такой, как я, долго или коротко мы были с вами знакомы? (*Мужу.*) «Флора», ты слышал? — Он называет меня Флорой!

Маури (*с упреком*). Фульвия!

Фульвия (*стремительно*). Нет, нет, Флора, Флора — я Флора. (*Снова к мужу.*) Меня зовут сразу по имени и говорят мне «ты».

Сильвио. Но мне хотелось бы знать, каким образом после того, что случилось, этот сипьор находится снова здесь?

Фульвия. Да, да, Сильвио, этот сипьор искренне уверен, что я хотела покончить с собой из-за него. Но это неправда!

Маури. Как так неправда?

Фульвия. Да, это неправда. Я поступила так ради самой себя. Расскажите ему, как и где мы с вами познакомились, и это объяснит ему все.

Сильвио. Я не желаю этого знать!

Фульвия. Я была арестована.

Маури (*протестуя*). Нет! Ты вовсе не была арестована! Что ты говоришь!

Фульвия. Меня вызвали в суд по обвинению в самом попытавшем преступлении.

Маури (*горячо*). Что она говорит! Не верьте ей! Она была вызвана как свидетельница.

Сильвио. Я повторяю вам, что я ничего не хочу знать!

Маури (*продолжая страстно*). Она была вызвана как свидетельница. Я повторяю это. Это случилось после моего назначения в Перуджу. Я был как раз в кабинете судебного следователя, моего коллеги. Это был процесс по поводу убийства некоего Гамбы.

Фульвия. С которым я приехала в Перуджу.

Маури. Да. Он был художником...

Фульвия. Какой там художник! Жалкий никрустатор с Муранской фабрики.

Маури. Может быть... Он приехал для реставрации какой-то мозаики...

Фульвия. Негодяй, который ежедневно напивался...

Маури. Он бил ее! Бил ее!

Фульвия. Однажды ночью его нашли на улице мертвым с раскроенным черепом.

Сильвио Джелли отбрасывает привычным жестом волосы и удер-живает руку на голове.

Маури (*подскакивая при жесте Сильвио*). Это ужас? Не правда ли? «Вот до чего она пала!» Но извольте слушать дальше!

Фульвия (*с силой*). Бросьте вашу декламацию!

Маури (*не слушая ее, продолжает, но уже в более пониженном тоне*). Она мне говорила, что только в первый раз трудно сбросить на глазах у всех маску, которую навязало нам общество.— Вы улыбаетесь, попробуйте сделать это.

Сильвио. Но я вовсе и не думаю улыбаться.

Маури. Нет, вы улыбались! — Попробуйте только украсть пять лир и дать себя поймать на месте преступления. Тогда бы вы заговорили иначе! Но вы же вор... А разве эта несчастная поступила бы так, если бы не вы, ее муж...

Фульвия (*прерывая его, очень гордо*). Довольно! Я запрещаю вам продолжать.

Сильвио (*спокойно и тихо*). Я приехал сюда...

Маури. Чтобы простить, мы это знаем...

Сильвио (*решительно, твердо и торжественно*). Нет! Я приехал, чтобы сознаться в своей вине перед этой женщиной. Но я не ожидал, что кроме пеи встречу здесь еще кого-то, который бы осмеливался обвинять меня.

Маури. И требовать искупления.

Фульвия. Молчите, вы не знаете, что говорите...

Маури. Нет, я требую искупления. И повторяю это ому, потому что я сам глубоко перед тобой виноват. Ты меня простила, но я готов на все, чтобы загладить мою вину!

Фульвия (*с выражением человека, который не желает продолжать спора*). Прекрасно — и как раз хотела сказать тебе, Сильвио, что он готов...

Маури (*настойчиво и вызывающе*). Я готов, готов искупить свою вину!

Фульвия (*отчаянно, с негодованием кричит*). Да не говорите вы об этом. Не смешите меня! Раз я не при-

знаю вас виноватым, так в чем же вы хотите обвинять себя? Не смешно ли это! Вы лгали мне, как и множество других. Что мне за дело до этого? (*Оборачиваясь вдруг к мужу.*) Может быть, и ты думаешь, что у тебя есть какие-то обязательства по отношению ко мне, потому что ты спас мне жизнь? Нет, никаких, мой дорогой! Спасибо тебе!

Сильвио (*ошеломленный*). Как! Я...

Фульвия (*повышенным тоном, не терпящим возражений*). Может быть, ты приехал сюда только как врач, чтобы сделать мне операцию?

Сильвио. Нет!

Фульвия. Но, делая мне операцию, о чём тебя, впрочем, никто не просил...

Маури. И я протестовал, и я протестовал!

Фульвия (*не обращая на него внимания*). Что касается меня, я ведь не просила тебя об этом — не правда ли?

Сильвио (*окончательно растерянный, не понимая, куда клонится этот допрос*). Нет... Я сделал это...

Фульвия (*быстро договаривая его мысль*). Почти помимо твоей воли, не правда ли?

Сильвио. Видя тебя, в каком ты состоянии...

Фульвия. Ну и что ж! Я была на краю смерти. Мое спасение было чудом для тебя самого! Если бы ты знал, как я теперь верю в чудеса!

Сильвио. Что ты хочешь этим, собственно, сказать?

Фульвия. Ничего. Я хочу только, чтобы ты не думал, что у тебя есть теперь какие-то обязательства передо мной из-за того, что ты возвратил меня к жизни. Никаких обязательств! Никто мне ничего не должен! Ни ты, ни он! Ни долгов, ни возмещений!

Сильвио. Что же ты намерена теперь делать?

Маури. Она поедет со мной!

Фульвия. Вот я здесь, вы видите... Я нахожусь между долгом, который я признаю недействительным, и виной, которую я объявляю воображаемой...

Сильвио (*с усмешкой*). Ты все такая же!

Фульвия. Да, я все такая же. И это меня радует. Меня радует, что мои крашеные волосы и мой тонерепи-

ний вид не мешают тебе видеть меня такой же, какой я была для тебя прежде.

Сильвио. Да, сейчас я вижу тебя такой. А в эти тяжелые дни ты была совсем другая.

Маури. Потому что сейчас здесь я.

Фульвия (*Mauri*). Вы тут решительно ни при чем. Я же приказала вам молчать! (*Мужу.*) Я показалась тебе прежней, потому что ты сам был такой... растерянный...

Сильвио. Я?

Фульвия. Ну да, растерянный, неуверенный... в глубине души раскаивающийся. Я убеждена в этом.

Сильвио. Раскаивающийся? В чем?

Фульвия. В том, что зашел дальше, чем предполагал.

Сильвио. Нет, неправда, не в этом.

Фульвия. Но, серьезно, неужели ты считаешь, что ты очень переменился?

Сильвио. Уже тот факт, что я здесь, разве не доказывает тебе этого?

Фульвия. Но ты не ожидал встретить его здесь?

Сильвио. Да, да, правда, этого я не ожидал. Если бы я знал, я не приехал бы!

Фульвия (*презрительно*). Можешь уехать обратно!

Сильвио (*сдержанно*). Я хочу сказать только, что ты ставишь меня в такое позорное положение! (*Называет на Mauri.*)

Маури. Но мне все про вас известно.

Сильвио. Что вам может быть про меня известно? Только то, что говорила она. Вам известна моя вина. Но что вы можете знать о тех страданиях, которые я перенес из-за нее.

Фульвия. Ты много страдал?

Сильвио. Много. Раз я приехал сюда и ты видишь меня здесь... Но ты не заставишь меня говорить тебе об этом при постороннем.

Фульвия. Нет, нет, говори, говори, потому что этот посторонний находится здесь больше ради тебя, чем ради меня.

Маури. Но я же не посторонний для нее. (*Называет на Фульвио.*)

Сильвио (отвечая Фульвии). Он здесь ради меня?
Что ты хочешь этим сказать?

Фульвия. О, конечно, сейчас я говорю не о знаменитом профессоре, каким ты стал теперь. Мне даже становится неловко, когда я представляю себе это. Но такому, каким ты был прежде, было бы все равно, кто со мной — этот или другой. Что поделаешь, я могу вспомнить только то время, когда мне едва исполнилось восемнадцать и ты играл со мной, как кошка с мышкой, из любопытства, чтоб узнать, что будет. И вот полюбуйся, что вышло. Ты говоришь, что много страдал. Хотелось бы мне знать, как именно?

Сильвио. Но я тебе уже говорил, как.

Фульвия. Пот, прости, ты мно говорим, что даже не в силах был страдать.

Сильвио. Я сказал тебе, что не в силах рассуждать ни о твоих, ни о моих муках. Вот что я сказал!

Фульвия. Ах так!

Сильвио. Ты не можешь этого понять! Есть вещи, которые нельзя объяснить.

Фульвия. Разве никого не было с тобой? (Намекает на свою dochь и становится еще мрачнее.)

Сильвио. Я чувствовал себя не в праве...

Фульвия. Считал себя виноватым, да?

Сильвио. Если хочешь — виноватым, потому что я попал, что ты ушла из-за меня, и ничто не могло заполнить этой пустоты!

Фульвия (с презрением). Но все таки ты утверждаешь, что ты страдал по моей вине?

Сильвио. Нет, не так, как ты думаешь... Да и сейчас не так... Нет. Во всем виновата жизнь, такая...

Маури. Да, да, вы правы, и я тоже...

Сильвио (не обращая на него внимания). Ты здесь стреляешься, там другой сходит с ума, третий философствует и не приходит ни к чему...

Маури (про себя). Жизнь — жестока. Это я знаю!

Сильвио. Еду сюда, говорю себе: «она умирает, хочет уйти примиренной. Спеши к ней!» Приезжаю, и чувства мои разбиваются о такую действительность, которую трудно было себе представить!

Фульвия. Ну, а что ты думаешь делать теперь?

Сильвио. Едва приехав, я пахожу тебя с мужчи-
ной. Ты не признаешь с моей стороны никаких обяза-
нностей по отношению к тебе, никакого долга. Я вижу,
что ты пришла какое-то решение, но какое — не знаю.

Фульвия (*как будто сделав неожиданное откры-
тие*). Когда ты смотришь, сам не замечая того, так — ис-
подлобья, ты представить себе не можешь, дорогой мой,
сколько хитрости у тебя еще в глазах.

Сильвио. У меня?

Фульвия. Да, да, у тебя!

Сильвио. Хитрости?

Фульвия. Да, хитрости. Я заметила это, когда ты
только что посмотрел на меня так. (*Показывает ему.*)

Сильвио. Скорее печали или, может быть, уста-
лости.

Фульвия. Нет, хитрости, хитрости, прежней хит-
рости. Даже сейчас ты хочешь хитрить, рисоваться не-
редо мной. Знаю я вас, все мужчины одинаковы. Но вы
забываете, что бывают моменты, когда женщины видят
вас без всякой рисовки. Ты, конечно, понимаешь меня.
А потому женщины смеются вам прямо в лицо, когда вы
начинаете припимать такие позы. Вы им тогда против-
ны, отвратительны! — Но это к делу не относится!

Сильвио. Ты хочешь освободить меня от всякого
долга по отношению к тебе, чтобы испытать, действи-
тельно ли я переменился?

Фульвия. Нет, нет, ты ошибаешься. Но, видишь
ли, твоя хитрость...

Сильвио. Нет, Фульвия, поверь, я просто не могу
доказать тебе...

Фульвия. Я не желаю доказательств. Разве ты не
понимаешь, что я ничего не хочу от тебя сейчас? Я, та-
кая, какая я есть. Я не хочу воспользоваться твоим при-
ездом, для того чтобы ты принял участие во мне, в моей
жизни, которую ты спас. Что мне моя теперешняя
жизнь! Что бы со мною ни случилось, мне все безраз-
лично. И ты был бы дураком, если бы казнился из-за
меня. Ты приехал, потому что был уверен, что я не вы-
живу. Тем хуже для меня, если я не умерла!

Маури (*страстно*). Но ведь я же здесь, Флора!

Фульвия (*презрительно, указывая мужу на лю-*

бовника). Ты видишь, и он здесь! — Именно об этом я и хотела тебе сказать.

Маури. Да, да, я на все готов для тебя!

Фульвия (*почти спокойно*). Ради бога, не говорите о любви! (*Мужу.*) Видишь, он готов взять меня к себе.

Маури. И павсегда!

Фульвия. Браво, дорогой мой! Совсем как говорят женщины!

Маури. Нет. Так, как могу сказать только я один.

Фульвия (*глядя мимо него на мужа*). Он бросил жену, детей, потерял службу ради меня. Так ведь?

Маури. Да.

Фульвия. Предлагает мне великолепное будущее: давать концерты в провинции. Как жаль, что из-за моей мерзкой жизни у меня иронал голос. Мы бы хорошо зарабатывали вместе. Он играл бы, а я пела! (*Разражается вызывающим смехом.*)

Маури. Ты издеваешься надо мной!

Фульвия. Ничуть. Я просто верю в ваш талант пианиста.

Сильвио (*презрительно*). Все это вздор.

Фульвия. На тебя это произвело большое впечатление? На меня никакого! Я прошу вас обоих предоставить меня самой себе, и, чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, давайте решим это сейчас же, полюбовно. Я много лет жила так, изо дня в день, терпела нужду в самом необходимом. Забота о завтрашнем дне меня не пугает. Судьба может играть мною, как ей вздумается! Я ее игрушка! (*Подходит к мужу и вульгарно подмигивает ему, как проститутке.*) Как была твоей!

Сильвио. Моей?

Фульвия (*смеется сквозь слезы и, чтобы подавить спазматические рыдания, все громче выкрикивает*). Да, твоей игрушкой. Когда я была еще почти ребенком, ты учил меня вещам, которые мне казались тогда ужасными, отвратительными!

Сильвио (*стараясь остановить ее*). Фульвия!

Фульвия. Теперь все это у меня уже вошло в привычку.

Сильвио. Фульвия! Фульвия!

Фульвия. О, теперь я искусна!

Сильвио. Тебе доставляет наслаждение терзать себя!

Фульвия. Я всему научила и его. Потому он так и привязался ко мне! (Вдруг обрывает в предельном отвращении.) Мерзость! Мерзость! Мерзость! (Кричит, вся дрожа, закрывая волосами лицо.) О боже мой! Какая мерзость!

Маури и Сильвио подбегают к ней, стараясь успокоить, говорят одновременно.

Сильвио. Нельзя доводить себя до такого состояния!

Маури. Флора, ведь я же смотрел на тебя как на святую, как на святую!

Фульвия (*неожиданно выпрямляется, еще дрожа от рыданий, кладет руки на плечи Маури*). Да, это правда. Для вас, да. (Поправляясь.) Для тебя, да. Но, ради бога, молчи!

Маури (*вне себя от счастья, старается схватить и поцеловать ее руку*). О Флора! Спасибо, спасибо.

Фульвия (*вырывая руку, с отвращением*). Нет, нет, нет!

Маури. С меня довольно той жалости, той жалости, которую ты чувствуешь к моей любви. Больше мне ничего не надо! Ничего! Это так сладостно, что мне и этого довольно!

Фульвия (*с нетерпением*). Хорошо, хорошо! (Мужу.) Пусть будет так. Я уйду с ним. А ты уезжай, дорогой мой, с успокоеной совестью, считая, что ты сделал доброе дело!

Сильвио (*смотрит на нее с бесконечным страданием, а потом, сдерживая свое солнение, говорит твердо*). Я прошу тебя, Фульвия, не ставь меня в такое положение!

Фульвия. Повторяю тебе искренне: приехав сюда, ты сделал доброе дело. Что же касается остального, что случилось помимо твоей воли, может быть и для меня плохой услугой. Но я говорю тебе совершенно искрение: я по хочу и не буду считать тебя ответственным за это.

Ты можешь ехать совершенно спокойно, не чувствуя за собой никакой вины. Еще одно: если ты пожелаешь — видишь, во мне ничего не осталось от прежнего — я самая вульгарная женщина, — да, ты можешь дать мне немногого денег, как ему дала его жена! (*Разражается смехом, показывая на Mauri.*)

Маури. Нет, нет, не надо денег! Не принимай от него денег, Флора!

Фульвия. Дурак! Разве ты не видишь, что это не для нас! Я делаю это для него. Чем больше он даст, тем приятнее ему будет! (*Отчеканивая каждое слово.*) Разве не ясно, что, несмотря на все мои старания разубедить его, он продолжает чувствовать себя виноватым. И вот я предлагаю ему покончить со всем, расплатившись звонкой монетой!

Сильвио (*не в состоянии большие сдерживать себя, с предельной решимостью*). Довольно, Фульвия! Перестать. Ты должна меня выслушать!

Фульвия (*еле сдерживая ярость, с угрожающим видом*). Ах нет! Не смей говорить со мной о том, что я читаю в твоих глазах!

Маури (*про себя, ядовито усмехаясь*). Про дочь, он хочет говорить про дочь!

Сильвио. И все же я должен с тобой говорить о пей!

Фульвия. Не посмеши! Разве ты не видишь, что я нарочно втаптывала себя в грязь, чтоб помешать тебе сделать это?

Сильвио. Так ты не хочешь выслушать меня?

Фульвия. Нет!

Сильвио. Ты заставляешь меня...

Фульвия. Не так давно ты избегал даже памеков о ней!

Сильвио. А сейчас я хочу говорить о ней!

Фульвия. А я запрещаю тебе говорить со мной, с такой, готовой уйти к другому! (*Обнимает одной рукой Mauri.*)

Сильвио. Хорошо, иду. Но помни только, что ты не можешь теперь ни в чем обвинять меня!

Фульвия (*Mauri*). Разве я его обвиняла? Я, наоборот, хвалила тебя, благодарила, я просила тебя уехать

с миром. Это ты колебался, настаивал, хотел говорить, ища себе оправданий, которых я у тебя не требовала!

Маури. А зеркало! Зеркало!

Сильвио. О каком зеркале вы говорите?!

Маури (*почти улыбающейся*). Зеркало, которое мы ставим перед собой и, сами не сознавая этого, смотримся в него. И кажется нам, что говорит кто-то другой, а это мы сами. Это мне отлично знакомо!

Сильвио. Так и держите это про себя!

Маури. Это не мешает и вам знать!

Сильвио (*Фульвии*). Почему ты бросаешь мне в лицо вину, в которой я сам сознался?

Фульвия. Нет, наоборот, я снимаю ее с тебя.

Сильвио. Каким образом? Тем, что ты втащившись себя в грязь, чтобы еще сильнее заставить меня почувствовать ее?

Фульвия (*изменившимся голосом, в котором звучит искренность отчаяния, почти принужденность, чувствуется, что настал момент, когда она больше не в силах притворяться*). О боже мой! Все эти дни... вместе с тобой... Ты сам говорил, что я стала такой, как бывало... И с сердцем, полным надежды, с сердцем матери я ждала, что вот-вот он заговорит... о моей девочке... Я говорила себе: «оставайся такой, оставайся такой... Он сейчас добрый... он приехал... он будет говорить с тобой, он будет говорить с тобой о дочке...».

Сильвио (*громко, дрожащим голосом, чтобы прервать ее*). А если я не мог говорить с тобой!

Фульвия (*озлобленно, меняя тон*). А почему сейчас ты можешь говорить о ней?

Сильвио. Чтобы объяснить тебе, почему я не говорил раньше.

Фульвия. Сейчас я ничего не хочу знать. Твои доводы для меня не имеют значения! Они важны только для тебя!

Сильвио. Не для меня, а для твоей дочери!

Фульвия. Какое значение они могут иметь для нее?

Сильвио. Исключительно для нее!

Фульвия. Потому, что она думает, что я умерла,

да? Я так и знала! Старая сказка! — Кто это сказал ей?
Это ты ей сказал, что я умерла?

Сильвио. Нет, не я...

Фульвия. Она сама это решила, а ты оставил ее в
этом убеждении? — Ну что ж! И отлично! Довольно об
этом. Я так и предполагала. Ты хочешь сказать, что не
мог повторить для нее чуда моего воскресения?

Сильвио. Нет, по скажи мне, думаешь ли ты, счи-
тасешь ли, что это возможно? Я уже целый месяц об этом
думаю, этим живу, с тех пор как увидел, что есть на-
дежда на твое выздоровление. Ты ждала, чтоб я загово-
рил с тобой об этом. Но я не говорил с тобой! Как я мог?
Скажи мне! Как мы можем возвратиться домой с тобой?

Фульвия (*в ужасе*). Нет, нет!

Сильвио (*продолжая*). Где ты была все это время?
И почему ты оставляла ее в убеждении, что ты умерла,
если это была неправда?

Фульвия. Нет, это невозможно, нет!

Сильвио. Ты сама это видишь!

Фульвия. Не в этом дело! — Если бы я умерла на
самом деле... Но я живу! Не для себя, пойми! Ты еще не
знаешь всего чуда, которое ты сотворил! Ты себе пред-
ставить не можешь этого! Блаженное состояние! Вер-
нуться к жизни в тот момент... Дорогой мой, если ты не
можешь воскресить меня для дочери, она сейчас может
воскреснуть во мне!

Сильвио (*ошеломленный и мрачный*). Что ты го-
воришь?

Фульвия. Она — или другая — раз она уже во мне,
для меня все равно!

Сильвио. Фульвия, что ты говоришь?

Маури. Как! Значит?..

Фульвия. Почему же я так легко отшучусь ко всему?
Да именно поэтому. Разве ты не видишь, что для
меня все остальное безразлично?

Маури. Ты отдалась ему?

Сильвио (*у которого рассеялись теперь все сомнения, с твердой решимостью*). А если так, нам не о чем
больше разговаривать! Все решено.

Фульвия. Что?

Маури (*про себя*). По это измена!

Сильвио. Я уже думал — раньше, чем ты мне сказали, — что есть средство — единственное — для того чтобы все исправить!

Фульвия. Какое может быть средство, если ты убил меня для нее!

Сильвио. Нет — есть, есть! А теперь тебе ничего больше не остается, как согласиться.

Фульвия. Согласиться — на что?

Сильвио. Ехать со мной!

Маури. Нет, Флора! Не делай этого, не делай этого!

Сильвио. Теперь она это сделает, это решено.

Фульвия (*к Маури, успокаивая его*). Подождите. (*Мужу, недоверчиво*.) С тобой, куда?

Сильвио. Куда? Домой! К себе домой...

Фульвия. В качестве кого?

Сильвио (*не задумываясь, с силой*). В качестве моей жены!

Фульвия. А как же она? Ведь она думает, что я умерла?

Сильвио. Не понимаю тебя! Ты должна быть моей женой, но для видимости не считаться ее матерью.

Фульвия. Твоей женой? И не быть ее матерью! Быть для нее кем же?

Маури (*порывисто*). Это жестоко! Это жестоко!

Фульвия. Но я не хочу быть ее мачехой!

Сильвио. Но ведь это будет только для виду! Ты останешься ее матерью!

Фульвия. А она будет считать меня мачехой?

Маури. Не соглашайся, Фульвия, не соглашайся!

Сильвио. Другого выхода нет! Неужели лучше то, что вы предлагаете ей?

Маури. Лучше! В сто раз лучше! Нужда, Флора, со мной лучше, подумай только, Флора, какая это мука для тебя, если твоя дочь будет считать тебя чужой!

Сильвио. Если ты сможешь это вынести...

Фульвия (*с живостью, презрительно, но все же, как бы уже задумываясь*). Не в этом дело. Вынести я смогу все, ведь я ее мать! (*Встает и как будто только что начинает понимать*.) Значит, ты хочешь взять меня с собой?

Маури (*очень взволнован*). Ты соглашаешься?

Фульвия (*не обращая на него внимания, мужу или, скорей, как бы говоря сама с собой*). Но как же... ах, да, мы состоим ведь в законном браке... больше ничего и не требуется.

Сильвио. Ведь это только для нее... одна видимость...

Маури (*про себя*). О, какое предательство! Она готова уступить ему!

Фульвия (*про себя*). Ей уже шестнадцать лет!.. Конечно, она не может меня помнить.

Сильвио. Ей было три года с небольшим...

Фульвия (*живо, с насмешкой*). Когда я умерла!.. (*Сдерживаясь*) А другие? Они могут узнать меня!

Сильвио. Никто не узнает! Я живу теперь почти в деревне. Но эти пустяки... Мы можем переехать.

Маури (*решительно*). Западит, для меня все кончено? Но это невозможно, послушай, это невозможно!

Фульвия (*какая головой, раздосадованная*). Что вы хотите от меня?

Маури. Как — что я хочу? А что будет со мной? Что я буду делать без тебя?

Сильвио (*подходя к нему*). Вы должны, кажется, попытать, что теперь уже не время говорить в таком тоне!

Маури. Вся моя жизнь разбита из-за нее...

Фульвия (*прерывая его, мужу*). Подожди, оставь его, я скажу ему сама...

Маури (*страстно обнимая ее*). Я ничего слышать не хочу! Ты моя! Я не отдам тебя!

Сильвио (*отталкивает его*). Довольно, я слушал...

Фульвия (*вырываясь*). Пустите меня!

Маури (*тем же тоном*). Нет, я непущу тебя! Я по отдам тебя!

Фульвия (*отталкивает его*). Пусти меня, говорю я тебе!

Сильвио. Вон, вон отсюда! Вон отсюда!

Маури (*отчаянно рыдая*). Но имей же сострадание...

Фульвия. Какого вы хотите сострадания?

Маури. Но я не хочу! Я не могу согласиться.

Фульвия. Слова напрасны...

Маури. Целая жизнь еще впереди — как будто я
ничто! Ты ломаешь меня, выбрасываешь меня!.. *(Падает
на стул, совершенно убитый горем.)*

Сильвио. Ступайте, ступайте, довольно!

Фульвия *(подходит к Маури и делает знак Сильвио).* Чуточку сострадания, чуточку сострадания! Надо
расстаться по-хорошему.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вилла доктора Сильвио Джелли, вблизи одной из деревень на берегу озера Комо. Гостиная — комната большая и такая светло-голубая, что кажется зеленоватой. Обстановка изящная, аристократическая, но не новая, чтобы Фульвия Джелли могла узнать в ней свою, которую она оставила трицадать лет назад в другом доме. В глубине комнаты терраса, выходящая в сад. Два выхода справа, один выход с левой стороны. Со времени первого действия прошло около четырех месяцев. Август.

При поднятии занавеса на сцене Фульвия, гувернантка Бетта и приказчик из магазина. Фульвия одета в роскошное светлое летнее платье. Волосы ее все еще выкрашены в рыжий цвет, но прическа гладкая. Она по бледна больше той мертвенно бледностью, как в первом действии, кажется успокоенной. Гувернантка имеет вид самодовольный, держит себя как хозяйка; все они стоят у стола и рассматривают, ощупывают разные материи — белые, голубые, розовые, лиловые, которые приказчик разложил на столе перед ними. Эти вещи вынуты из картонки, обтянутой kleenкой, которая стоит на стуле. Гувернантка рассматривает материи в лорнет.

Приказчик. Позвольте вас побеспокоить, сеньора. Фульвия. Да нет, какое же тут беспокойство!

Приказчик. Понимаю. Pardon! Хотя для матери я хотел только заметить — не будет ли для вас слишком затруднительно шить самой приданое для новорожденного...

Фульвия. О нет! нет! Это только развлечет меня.

Приказчик. Понимаю. Я говорю это только потому, что у нас есть прекрасные готовые вещи для мальчиков — полный ассортимент, самый изысканный.

Фульвия (к Бетте, которая рассматривает какую-то ткань). Как вам нравится это?

Бетта. Да, но мне кажется немножко грубовато.

Приказчик. Этот батист — это что-то особенное — теперь все берут его, а, может быть, позволите предложить вам напсук?

Бетта. Напсук или что другое, но мне все кажется немножко грубоватым.

Приказчик (*обиженно*). Нет уж, извините, синьора, это самый тонкий батист!

Бетта. Все равно, батист или нет, а я говорю, что грубовато!

Приказчик. Да пет же, посмотрите хорошенечко, материя легкая, мягкая, как раз для нежного тельца младенца. А за добротность я ручаюсь.

Фульвия. Хорошо, хорошо, но все же это не то, что я искала. Я раньше покупала другую материю, такую же тонкую, мягкую, по гораздо более плотную.

Приказчик. Может быть, камбри, синьора?

Бетта. А какой раньше был муслиш!

Фульвия. Нет, нет, не камбри.

Приказчик. Липо батист? Бумажный батист?

Фульвия. Я не знаю, право. Я покажу вам. Пожалуйста, Бетта, пойдите наверх к Ливии. Вы знаете, там, в старом комоде...

Бетта. Да, да, знаю.

Фульвия. Да, там лежат ее детские чепчики, я видела.

Бетта. Хорошо, синьора, иду. (*Уходит.*)

Фульвия. Нет, лучше подождите, не говорите ей ничего. Попросите ее сойти сюда, вниз, на минутку.

Бетта. Хорошо, синьора. (*Уходит в дверь направо.*)

Фульвия. Вот увидите сейчас, что это за материя.

Приказчик. Но когда вы выстираете напсук, вы увидите, каким плотным он станет. А что касается мягкости, то, уверяю вас, синьора, вы не найдете ничего мягче этого батиста.

Фульвия. Во всяком случае, я беру этот цветной. Если бы еще у вас был лиловый, потемнее...

Приказчик. Синьора, у нас в магазине есть такой, по мне кажется, что и этот вам подойдет.

Фульвия. А вот валансьен мне решительно не нравится.

Приказчик. Как вам будет угодно. Но, вы знаете...
теперешние условия рынка... прямо хоть плачь!

Из двери справа входит Ливия. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет. Вид у нее серьезный, она держит себя холодно, смущается каждый раз, когда ей смотрят прямо в лицо. Одета в глубокий траур. Фульвия замечает ее приход не сразу.

Ливия. Ты звала меня?

Фульвия (*слегка поворачивая голову*). Ах да, Ливия, иди сюда! (*Заметив ее траур, с удивлением*.) Зачем это? Что такое?

Ливия опускает глаза и молчит.

Фульвия (*вдруг вспомнив*). Ах да, да! Прости меня! (*Потом, словно забыв о своем намерении*.) Нет, нет, ничего, иди себе!

Ливия (*холодно*). Что ты хотела от меня?

Фульвия. Нет, ничего. Ты собираешься в церковь?

Ливия. Да, скоро. Священник сказал, что он может начать службу не раньше одиннадцати.

Фульвия. Значит, служба кончится поздно. Три мессы...

Ливия. Я хотела две.

Фульвия (*живо, с ласковым упреком, но как бы обиженно*). Нет, Ливия, это было бы неприятно папе, я уже не говорю про себя.

Ливия (*в том же тоне*). Я и заказала две мессы, чтобы не доставлять неприятности тебе. (*Несмотря на видимую любезность, в ее словах слышится намерение оскорбить Фульвию*.)

Фульвия (*с горечью*). Как ты не понимаешь, что для меня самое большое огорчение то, что ты можешь так думать. Ведь каждый год ты заказывала три мессы. Ты должна сделать так же и в этом году. Папа пойдет с тобой?

Ливия. Не знаю, захочет ли он пойти.

Фульвия. Пойдет, пойдет. Я скажу ему, чтобы шел! (*Обрывая*.) А я как раз выбирала материал для приданого малютке.

Ливия (*холодно, как будто ей до этого нет никакого дела*). Ах, да...

Фульвия (*не в силах более притворяться, что не замечает ее тона*). Иди, иди! Я звала тебя не для того, чтобы просить помочь мне! (*Увидя, что Ливия, ни слова не говоря, уходит, меняет тон и настроение.*) Я хотела попросить у тебя ключ от того комода, где спрятаны остатки твоего детского приданого.

Ливия. Хорошо, я пришлю его сейчас. (*Уходит направо.*)

Фульвия (*приказчику, который тем временем складывал материю в картонку*). Извините меня!

Приказчик. О, пожалуйста, синьора!

Фульвия. Чтобы покончить с этим делом, порешим на том, что я беру нанесок.

Приказчик. Превосходно! Вы можете быть уверенной, синьора, что сделали прекрасную покупку.

Фульвия. Пришлите мне столько метров, сколько я вам сказала.

Приказчик. Хорошо, я уже сделал себе заметку и пришлю вам все после обеда. Мое почтение, синьора...

Фульвия. До свиданья.

Приказчик уходит налево, а справа возвращается Бетта.

(*Увидев ее, говорит насмешливо.*) Скажите, вы тоже заказали заупокойную мессу в память усопшей?

Бетта (*как старая лиса*). Простите меня, синьора, это уж вошло здесь в обычай. Ежегодно в этот день... Простите меня...

Фульвия (*строго и с негодованием*). Почему вы просите у меня прощения?

Бетта. Потому что нам следовало бы делать это тайно от синьоры.

Фульвия. Значит, вы находите, что в этом есть что-то предосудительное?

Бетта. Нет, синьора, но это делается для бедной девочки...

Фульвия. Ах так, для нее. Следовательно, вы делаете это не для себя? Не в память вашей умершей хозяйки...

Бетта. Ах нет, синьора, также для меня и в память моей бедной хозяйки. Таков обычай, говорю я вам.

Фульвия. И так каждый год, с тех пор как она умерла?

Бетта. Да, да. С тех пор как она умерла. Одну мессу заказывает дочка, одну синьор доктор, а одну я.

Фульвия. И Ливия также с той самой поры?

Бетта. Она первая захотела!

Фульвия. Что вы мне рассказываете сказки! Ливия была тогда еще крошкой, и она ничего не могла знать о мессах! Разве только что об этом позаботились вы или ее отец.

Бетта (*смузенно*). Да, вы правы. Это был ее отец!

Фульвия (*смеясь*). Но как же все это произошло? Вы должны помнить, потому что вы все это время жили здесь. Вы говорите, что она умерла у вас на руках, ваша хозяйка?

Сильвио Джелли, который в это время в другой комнате разговаривал с Ливией, как раз при этих ее словах входит спрашива. Он слышит последние слова Фульвии и боясь, чтобы она не выдала тайны, быстро прерывает ее.

Сильвио. Фульвия! (*Сейчас же останавливается, запнувшись на этом имени, которое помимо его воли вырвалось у него.*)

Фульвия (*быстро оборачиваясь к нему, говорит со злорадством*). Как? Фульвия? О боже мой! Это понятно, сегодня годовщина ее смерти! Но неужели ты до такой степени поглощен воспоминанием о ней, что даже назвал меня со именем!

Сильвио. Извини меня... Ты права...

Фульвия. Ничего, милый, это так естественно! Так легко перепутать имена. Меня называли Флорой, знаете, Бетта? Не правда ли противное имя, как собачонку. Он начал меня называть моим вторым именем — Франческа. (*Мужу.*) Так прошу же тебя помнить это, дорогой мой! (*Замечая, что он омрачился и как бы находится в каком-то напряженном ожидании.*) В чем дело? Я только хотела исправить твою оплохиность!

Сильвио (*слегка раздраженно хочет дать ей поять, что он огорчен ее этим*). Хорошо, хорошо... но...

Фульвия (*понимая его*). Все это пустяки... Мы говорили сейчас по поводу трех месс. (*Бетте.*) Ливия ничего вам не передавала для меня?

Сильвио (*с живостью*). Я как раз и пришел из-за этого.

Фульвия (*взволнованно и возбужденно*). Она не хочет дать мне ключ от комода?

Сильвио (*Бетте*). Идите, идите, Бетта. Мне кажется, что Ливия вас зовет.

Фульвия. Может быть, она сейчас плачет, что я у нее попросила этот ключ?

Сильвио (*Бетте, которая все еще не ушла*). Да идите же; я вам, кажется, сказал!

Бетта уходит направо.

Фульвия (*сейчас же, с негодованием*). Нет, это уже свыше моих сил!

Сильвио. Позволь мне сказать тебе!

Фульвия. Я сама велела перепести к ней в комнату, видя, что она страдает, старинную мебель из нашей спальни, и дала ей ключи от комода!..

Сильвио. Да, но...

Фульвия (*продолжая, со все возрастающей горячностью*). А мне было так важно, так необходимо видеть себя в старинной обстановке!

Сильвио. Но ты должна подумать...

Фульвия (*с живостью и силой*). Я думаю обо всем! Но это, нет! Это свыше моих сил! Я сама, собственными руками шила для нее это приданое, когда ждала ее!

Сильвио. Да, да!

Фульвия. Помнишь, ты не хотел? Ты вырывал его у меня из рук! Когда я нашла все эти вещицы вместе с моими прежними платьями, что я перечувствовала, я не могу сказать тебе! Я пришла к ним лицом, я вдыхала мою прежнюю чистоту! Я почувствовала, как она оживала во мне, здесь, в горле, я ощущала ее вкус — я плакала над ними и слезами омывала свою душу... (*Обрывая*.) Хорошо! Я отдала их ей, я сама отняла все это у себя...

Сильвио. Но пойми же...

Фульвия (*живо*). Понимаю, понимаю! Но здесь был приказчик. Я хотела показать ему материю одной из этих кофточек. Что тут дурного? Разве и этого я не могу?

Сильвио. Но не в этом дело!

Фульвия. В чем же дело? Потому что она посыла

эти вещи, она не хочет, чтобы я сделала такие же точно для будущего ребенка? (*Мрачно и угрожающе.*) Нет, нет, это мы еще посмотрим! О жепе, занявшей чужое место, она может думать, что ей угодно, но мать во мне, знаешь ли, мать она должна уважать!

Сильвио. Но она уважает тебя!

Фульвия. Я ведь говорю не как ее мать, но как мать будущего ребенка! Посмотрим, посмотрим! За это я постою! Ведь это единственное, что удерживает меня в жизни!

Сильвио. Умоляю тебя — не волнился так!

Фульвия. Я не волнилась, нет! Как много ты сделал, чтобы убить меня. (*Пауза. Потом, тихо качая головой.*) Даже установил день моей смерти!

Сильвио. Да нет же! Она меня как-то спросила...

Фульвия. И ты сейчас же, с готовностью указал дату. И три мессы... Скажи мне откровенно: это ты приказал этой старой крысе...

Сильвио. Ах, брось, пожалуйста! Я ведь уж говорил тебе, что эта старая дура, может быть, для того чтобы заслужить благосклонность Ливии, нарочно повторяла ей этот рассказ так часто, что в конце концов сама в него поверила.

Фульвия. Что я умерла у нее на руках? (*Смеется.*) Ха-ха-ха! Уж до того дошло, что я сама скоро вместе с тобой буду служить панихиду по себе!

Сильвио. Эти церковные службы — желание Ливии. Она однажды попросила меня, и я не смог ей отказать.

Фульвия. Но ведь ты сам всегда сопровождал ее в церковь.

Сильвио. Чтобы доставить ей удовольствие. Ты ведь знаешь, что вообще я не хожу в церковь.

Фульвия. А сегодня ты пойдешь!

Сильвио. Нет, не пойду.

Фульвия. А я хочу, чтобы ты пошел!

Сильвио. Не пойду, не пойду!

Фульвия. Прознай тебя, не лишай меня этого спектакля. Я по крайней мере посмеюсь! Панихида — по мне! (*Обрывая.*) Я сказала Ливии, что ты пойдешь с пей.

Сильвио. А я только что сказал ей, что не пойду.

Фульвия. Ты сделал это назло мне!

Сильвио. «Что?»

Фульвия. Чтобы она еще больше меня возненавидела!

Сильвио. Она должна понять и прекрасно понимает, что из уважения к тебе...

Фульвия (*разражается опять веселым смехом*). Из уважения ко мне! Ха-ха-ха!

Сильвио. Тебе весело?

Фульвия. Да, дорогой мой. Мне кажется, это лучше, что я все воспринимаю с комической стороны! (*Смеется*.) Разве ты не находишь смешным, что ты в трауре, с сокрушенным видом, служишь по мне заупокойную мессу, тогда как я еще жива. (*Снова смеется*.) И наставляю тебе рога!

Сильвио. Ничего тут нет смешного! Я не для себя это делал!

Фульвия (*прерывая его, другим тоном*). Прости, пожалуйста. Теперь ты должен уважать меня!

Сильвио. Почему теперь?

Фульвия. Потому что теперь все дурно складывается для меня!

Сильвио (*твёрдо, с убеждением*). Но я всем дал понять здесь, что я уважаю тебя.

Фульвия (*с живостью*). Меня? Нет, дорогой мой! Не меня, а твой обман!

Сильвио (*твёрдо и серьезно*). Прошу тебя верить в мою искренность!

Фульвия. Я верю, я верю. Но что в самом деле ужасно, так это именно искренность твоего обмана! О, оставим это, не заставляй меня продолжать...

Сильвио. Нет, нет, говори!

Фульвия (*еще раз обрывая, другим тоном*). Ты в самом деле желалось мне добра?

Сильвио (*ошеломленный неожиданным вопросом*). Да, конечно!

Фульвия (*быстро и холодно*). Прошу тебя не пить ко мне уважения!

Сильвио. Что ты говоришь?

Фульвия. Да, я повторяю тебе это. Обращайся со мной, как.. как с бродячей собакой, которая случайно пристала к тебе...

Сильвио. Ах так! Это было бы великолепно!

Фульвия (*тем же тоном, как будто говорит про кого-то другого*). Да, да, так, как будто бы ты не мог отделаться от меня и ионеволе вынужден был взять к себе в дом. Если бы она поверила этому и, видя, как ты презираешь меня, как унижаешь, и в то же время видя, что я все это перенону с кротостью, со смиренiem, она, может быть...

Сильвио. Нет, это невозможно!

Фульвия. А, теперь я знаю, ты сделал наоборот. Ореол святости, которым окружена покойница...

Сильвио (*намекая на дочь*). У нее не было матери... и если я должен был обманывать ее, то уж лучше было для нее и, я думаю, для тебя, чтобы она считала тебя за святую.

Фульвия (*порывисто, но сейчас же сдерживаясь*). Не говори обо мне! Не говори обо мне! Ты это делал не для меня. Ты поступал так ради себя самого, чтобы как-нибудь успокоить свою совесть, которая тебя мучила. И ты не успокоил ее, потому что никогда нельзя успокоить угрызения совести обманом!

Сильвио. Я просил тебя не говорить больше об этом!

Фульвия. Извини. Ты заставил меня умереть, а потом причислил меня к лицу святых и себя самого сделал святым, и все здесь стало свято! (*Обрывая и опять меняя тон*.) Я могу еще допустить, что моя смерть могла быть необходимым обманом, но Ливия была тогда еще такой крошкой! Потом только ты один был с ней, и когда она начала подрастать и задавать вопросы о матери, ты, не открывая ей правды, мог бы дать ей понять, что твой брак был несчастлив!

Сильвио. Так. Значит, я должен был отдать нас ей на суд!

Фульвия. Она бы еще больше полюбила тебя и никого бы не оплакивала.

Сильвио. Но разве я мог предвидеть, что все так произойдет? Прости, но мне кажется это страшным. Ты говоришь так, как если бы ты ревновала...

Фульвия. О да, я ревную к сердцу моей дочери!

Сильвио. Но ведь в глубине его живешь ты сама!

Фульвия. Нет, нет! Это неправда. Меня там нет! Я его ощупала, ее сердце, я испытала его! Я мертва для нее, я умерла взаправду, я живая, но для нее я мертва! Но я, конечно, живущая здесь, но та, другая, ее мать. Мне иногда хочется взять ее за плечи (*говорит про Лилю*), потрясти ее, пристально посмотреть ей в глаза и сказать: «Нет! нет! Поверь мне, дорогая моя: она умерла. Мертвые не могут делать зла... Проходит время, от них остается только хорошее. Но смерть тоже, дорогая моя, может оказаться обманом!» (*Дрожа, почти с безумным выражением лица.*) Знаешь ли, как часто ко мне приходит это искушени?

Сильвио. Ради всего святого, Фульвия!

Фульвия. Не бойся. Я думаю об этом не меньше тебя. (*Назад.*) Еще бы! Конечно, живя в атмосфере, пронитанной благоговением к этой святой душе, ей не могла не показаться ужасной измена. И вдруг, так неожиданно... (*Назад.*) Случилось то, о чем она думала, чего опасалась... (*Обрывая.*) Но нет, неправда, неправда! Все забывается, ко всему привыкаешь! Тут другая причина — это ревность, ревность! (*Назад.*) Эта ревность, помимо ее воли, зародилась в ней, как только я вошла сюда. Раньше в ее воображении «она» была просто — она. Но как только я явилась и заняла место около тебя, она вошлотилась для нее в ту, «другую», которая заняла место матери. Она из ревности пожелала взять себе все, что принадлежало некойной матери; мебель, все. Я сама все отдала ей, мне это казалось справедливым, до того эта ложь сделалась здесь действительностью для всех. И в этой лжи, в этой лжи живет твоя дочь! Ты слышишь — я говорю «твоя». Я даже не считаю больше, что она — моя! Я не чувствую ее своей. Не кажется ли это тебе чудовищным? Надо убить ее, убить эту ложь, потому что я ведь жива, жива, жива!

Сильвио. Умоляю тебя! Умоляю тебя, Фульвия! Ты сама же убедилась, что необходимо молчать, что так лучше даже для тебя.

Фульвия. Даже для меня? Ты хочешь молчать во все не для меня, а для того, чтобы не оскорблять память ее матери, вот для чего!

Сильвио. Но ведь это же — ты...

Фульвия. Нет, неправда! Я для нее — «та», «другая», и не могу быть ее матерью. Я дошла до того, что сама уверовала в это! Она мне кажется действительно дочерью той, другой женщины. Это ужасно! С первого же момента, когда я должна была сдержать свой порыв — обнять ее, прижать к своей груди! И слова, приличествующие слухаю, которые мне пришлось ей говорить и которые стали обычными для наших теперешних взаимоотношений, слова, вызванные ее же поведением, стали теперь правдой, правдой для меня! Я гляжу на нее, на ее манеру пожимать плечами с таким видом... На эти глаза, на этот рот и сама не чувствую больше, что это я дала ей жизнь, как будто действительно здесь была какая-то другая женщина, которая родила ее. Вымысел сделался правдой, и еще какой правдой! Она убила во мне мой материнский инстинкт, мое чувство к ней, и теперь оно угасает. Я чувствую, что оно оживает только для будущего ребенка. Довольно, довольно! Не хочу больше об этом думать! Благоговейте перед вашей покойницей, а меня оставьте жить с новой жизнью, которая во мне!

Сильвио. Не говори так! Ты живешь здесь с пятью четырех месяцев...

Фульвия. И все время горюю на медленном огне, улыбаясь ей за эту муку... Боже мой, довольно с меня! Не будем об этом больше говорить. (*Ложится в шезлонг.*) Это пустые слова, о которых не стоит задумываться. (*Долгая пауза.*) Сегодня почью я проснулась. Стала думать хладнокровно — это страдание мое, да, оно существует... это ужас моей жизни... Но все же я сплю. И вот, когда я просыпаюсь, я могу рассматривать свои руки при свете розовой лампады.

Сильвио приближается к ней, смотрит на нее.

Что? Ничего, просто я смотрю на свои руки, на кровать, на новую мебель в моей комнате... а жизнь идет, и так многое еще других вещей, о которых я могу думать помимо моего горя... (*Немного встряхнувшись.*) И вот я думала сегодня почью... отгадай, о чем? Ах, как я хотела бы, как я хотела бы быть веселой! А скажи, разве это не доказывает, что я не мерзавка?

Сильвио (который все приближается к ней, продолжая смотреть на нее). Фульвия, что ты говоришь? (Хочет взять ее руку.)

Фульвия (вырывая руку). Уйди. Я знаю, что я тебе нравлюсь и с такими волосами!

Сильвио. Фульвия! Тебе так идут они!

Фульвия. Они тебя возбуждают!

Сильвио. Умоляю тебя, не говори так...

Фульвия (с отвращением, видя, как действует на него ее двусмысленная красота). Нет, не таких радостей я ищу!

В это время входит Бетта.

Бетта (в большом волнении, докладывает). Синьор доктор! Синьор доктор!

Сильвио (вздрагивает, застигнутый врасплох в момент интимных переживаний). Что? Что случилось?

Бетта. Тетушка Эрнестина приехала! Тетушка Эрнестина!

Сильвио (страшно недовольный). Как? Где?

Фульвия (с веселым изумлением). Как, тетушка Эрнестина? Разве она еще жива?

Сильвио (желая вернуть ее к роли второй жены). Франческа! (Встает и идет вместе с Беттой в дверь налево.) Где она? Когда приехала?

Фульвия (про себя, в то время как ее муж идет с Беттой). Ах да, я ведь с ней не знакома!

Бетта (отвечая Сильвио). Она приехала в карете, сейчас расплачивается.

Сильвио. Идите скорей. Не пускайте ее сюда. Приводите ее к Ливии.

Бетта. Иду, синьор, иду! Ах, как обрадуется синьорина! (Убегает.)

Сильвио. Не хватало еще и ее сегодня!

Фульвия. Но как же ты послал ее к Ливии? Она все узнает. Она ведь моя тетка!

Сильвио. Конечно, узнает! Но она умеет обращаться с Ливией!

Фульвия. А! И она тоже?

Сильвио. Ты знаешь, как...

Фульвия. Да, да! Возмущенная и оскорбленная в

своем целомудрии, она воспользуется случаем, чтобы выудить у тебя денег, — умерла! Похоронена!

Сильвио. Но как же теперь быть? Если она тебя увидит — сразу узнает. Надо попросить ее сейчас же уехать. Не успел я от нее отделаться, как вот она уже опять тут.

За дверью слышны голоса тетки Эрнестины и Бетты. Через несколько минут дверь открывается, и Эрнестина врывается в комнату, бросается к Сильвио с распластанными объятиями и трагическим лицом. Это худая старуха; она имеет озлобленный вид, больше от пережитых разочарований в чувствах, чем от действительных несчастий; она глупа, как курица, и на лице ее всегда выражение недоумения, как будто она плохо слышит. Но все это притворство, на самом деле у нее прекрасный слух. Волосы ее выкрашены в отвратительный рыжий цвет. Одета в глубокий траур.

Бетта (*Эрнестине*). Извините, не сюда, не сюда!

Эрнестина (*входя*). Впустите меня! Умерла! Умерла! Итак, это правда! Моя бедная племянница!

Сильвио (*в страхе, что Ливия услышит ее крики*). Замолчите, умоляю вас! Я запрещаю вам эти разговоры! (*Бетте*.) Пойдите наверх и не пускайте сюда Ливию!

Бетта поспешно уходит в дверь направо.

Эрнестина. Значит, она умерла, раз ты женился вторично! Я писала тебе, а ты ничего не ответил!

Сильвио (*с тихим бешенством указывает на Фульвию*). Позвольте представить вам... По замолчите же наконец!

Эрнестина (*пораженная присутствием Фульвии, не знает ее и действительно принимает за вторую жену Сильвио*). Прошу прощения, я не заметила вас, сильвия! Я тетушка первой жены...

Из второй двери выбегает Ливия и протягивает руки к тетке.

Ливия. Тетя! Тетя! Тетя!

Эрнестина. О Ливия! (*Бросается к ней и обнимает ее*.)

Ливия. Тетя! Милая тетя!

Эрнестина. Сиротка моя! Моя бедная сиротка!

Сильвио (*в бешенстве старается оторвать от нее Ливию*). Довольно, довольно! Прекратите эту сцену!

Эрнестина. Да, ты прав. Из уважения к...

Сильвио. Не из-за какого уважения. Но я напоминаю вам, что ваша племянница умерла тринадцать лет тому назад. (Произносит это многозначительно, чтобы дать понять тете, что он продолжает поддерживать свою dochь в этом заблуждении.)

Эрнестина (ничего не понимая). Может быть, да, но для меня — сейчас...

Сильвио. Для вас рана утраты будет всегда казаться свежей, по все-таки вы должны помнить, что для вас, как и для Ливии, это несчастье не вчерашнего дня, и даже не четырехмесячной давности.

Эрнестина (продолжая не узнавать Фульвию). Да, да, вот уже четыре месяца... Извините, синьора!

Ливия (холодно, высокомерно, вызывающе, подозревая, что отец так сурово обошелся с теткой из-за своей второй жены). Пойдем наверх, пойдем ко мне, тетя Эрнестина!

Эрнестина. Хорошо, деточка моя, сироточка моя, пойдем, пойдем! Я вижу, что и ты тоже в черном...

Уходят, обнявшись, направо.

Фульвия (с ледяным выражением лица). Она не узнала меня!

Сильвио. Это моя ошибка, это моя ошибка! Она действительно писала, спрашивала меня!

Фульвия (с тем же выражением). Но ты видишь, она меня не узнала!

Сильвио. Она должна так думать...

Фульвия. Что я на самом деле умерла!

Сильвио. Она думает, что я женился вторично. Я должен был ответить ей, объяснить ей, предупредить ее! Но разве я мог предположить, что она приедет опять, после того как я так грубо выгнал ее вот несколько лет тому назад, когда она надоедала мне?

Фульвия. Она вернулась из-за нее (намекая на Ливию), уверенная, что найдет в ней союзницу, которая будет держать ее сторону против тебя и меня.

Сильвио. Она жестоко ошибается!

Фульвия. А ты уверен в том, что Ливия не сама вызвала ее?

Сильвио. Да разве ты не видишь, что она приехала неожиданно?

Фульвия (*про себя*). Тетушка Эрнестина, каково! Увидела меня и не узнала.

Сильвио (*направляясь ко второму выходу направо*). И ее отправлю туда, откуда она приехала.

Фульвия (*останавливая его*). Нет, что ты, разве так можно!

Сильвио. Я выгоню ее вон!

Фульвия (*намекая на Ливию*). Но разве ты не заметил, как она стояла здесь с вызывающим видом, думая, что ты груб с теткой из-за меня.

Сильвио. Но я скажу, что это я не желаю, чтобы она оставалась здесь.

Фульвия. А все-таки она будет думать, что это из-за меня. Как будто пазло все здесь складывается против меня.

Сильвио. Что же мне тогда делать?

Фульвия. Как она бросилась к ней на шею: «Тетя, милая тетя!» А эта дура: «Сиротка моя, сироточка». Недоставало только рыданий...

Сильвио. Я не могу быть спокойен, пока она здесь. Надо, чтобы она уехала во что бы то ни стало.

Фульвия. Сделай мне удовольствие, поди с Ливией в церковь, а тетушку пошли сюда, я откроюсь ей...

Сильвио. И заставишь ее немедленно уехать?

Фульвия. Посмотрим, посмотрим.

Сильвио. Нет, нет, я не хочу терпеть, не хочу терпеть ее в своем доме! Она должна уехать!

Фульвия. А если она сможет помочь?

Сильвио. Какую помочь ты можешь ждать от нее? (*Уходит во вторую дверь направо*.)

Фульвия (*одна. Пауза. Задумчиво*). Тетушка Эрнестина — а я думала, что ее нет в живых.

Слева входит Бетта, таща в каждой руке по большому чемодану.

Бетта. Тяжеленько! Тяжеленько!

Фульвия. Это тетушкины чемоданы? (*Направляясь*) То есть чемоданы синьорины Галифи?

Бетта. Она привезла еще и сундук.

Фульвия. Значит, она приехала надолго!

Бетта. Если судить по вещам. Прикажете нести всчи на верх, в комнату для приезжающих?

Фульвия. Да, да, пока.

Бетта уходит с чемоданами во вторую дверь направо. Через несколько минут входит тетушка Эриестина, взъерошенная, ошарашенная, как старая курица, сброшенная с пасеста.

Эриестина. Можнo?

Фульвия (*встает и закрывает входную дверь, через которую вошла Эриестина. Она хочет немнogo позабавиться над тетушкой, прежде чем открыть ей правду*). Идите сюда, идите сюда! Садитесь, пожалуйста. Ливия уже ушла? Она, наверное, опоздает!

Эриестина (*как на иголках*). Да, ушла с отцом!

Фульвия. Садитесь, садитесь, пожалуйста!

Эриестина. Благодарю вас. Ушла в церковь.

Фульвия. Что вы сказали?

Эриестина. Я говорю, что она ушла в церковь с отцом.

Фульвия. Да, да, на заупокойные мессы. Может быть, и вам хочется идти туда, потому что, вы знаете, сегодня (*глядя на нее многозначительно*), сегодня для дочери годовщина.

Эриестина. И вы, синьора, тоже знаете?

Фульвия. Как же вы хотите, чтобы я не знала?

Эриестина. Но я-то толком ничего не знаю. Опа, вероятно, недавно умерла, моя бедная племянница?

Фульвия (*смотрит на нее, стараясь скрыть удивление*). Мне кажется, что уже давно!

Эриестина. Я здесь не была почти шесть лет. Ведь я единственная родственница. Кажется, можно было бы сообщить мне. Как же она умерла? Отчего? Когда? Вы, вероятно, знаете, синьора?

Фульвия (*качая головой, отвечает*). Да, я знаю.

Эриестина. Скажите, она плохо копчилась?

Фульвия. Очень плохо, да. (*Пауза.*) Ее убили.

Эриестина (*вскакивая в ужасе*). Убили? Как? Кто ее убил?

Фульвия. Тише, ради бога. (*С таинственным видом.*) Никто об этом не знает.

Эрнестина. Убили! Но как убили? Где? В газетах об этом ничего не было.

Фульвия. Здесь. Но о некоторых преступлениях в газетах не пишут. (*Говорит тихо, смотря на нее с загадочным видом, как будто желая поверить тайну.*) Но, пожалуйста, не волчайтесь!

Эрнестина (*поражена*). Я? (*Еще более растерявшись.*) А как же узнали вы? От вашего мужа?

Фульвия (*утвердительно кивает и потом снова с тем же гаишественным видом*). Он мне во всем сознался!

Эрнестина (*вне себя*). Оп? О боже мой! Да что это такое?

Фульвия (*тем же тоном*). Не бойтесь, не бойтесь! Я умею молчать. (*И как бы в подтверждение этому кладет ей руку на плечо.*)

Эрнестина (*в том же тоне*). Клянусь вам, сильора, что я ничего не знаю! О боже мой! При чем же здесь он! Каково мне! Ведь я ее тетка!

Фульвия. Хороша тетка! Прошу вас, не играйте передо мной комедию! Я уже сказала вам, что мне все известно!

Эрнестина. Я? Комедию? Какую комедию?

Фульвия. Конечно. Вы ведь сообщница.

Эрнестина. Я! Сообщница?

Фульвия. Да, вы.

Эрнестина. Как я, я — сообщница? Но чья?

Фульвия. Как — чья? Убийцы.

Эрнестина. Я?!

Фульвия (*не в силах выносить большие комичного вида испуганной и растерянной старухи начинает смеяться, как сумасшедшая. Вдруг подходит к ней близко, откладывает волосы со лба и показывает ей свое лицо.*) Ну посмотри на меня хорошенько, тетя Эрнестина, и скажи правду, разве ты не узнаешь меня?

Эрнестина (*в ужасе откладывается всем телом назад и вытягивает перед собой руки*). Что? Что?

Фульвия. Это я! Разве ты меня не узнаешь?

Эрнестина. Фульвия! Ты!

Фульвия. Молчи! Теперь я Франческа.

Эрнестина. Но почему?

Фульвия. Почему? Я скажу тебе сейчас почему.

Эрнестина. О боже! Мне кажется, я с ума схожу!
Ты здесь — снова!

Фульвия (*делает отрицательный жест пальцем*).
Франческа, Франческа.

Эрнестина. Почему? Фульвия?

Фульвия (*по складам*). Франческа!

Эрнестина. В самом деле я схожу с ума!

Фульвия (*вдруг обнимая ее*). Бедная тетя Эрнестины! Но это правда, знаешь, правда, что ты в самом деле соучастница! Он сам сказал мне!

Эрнестина. Нет... нет! Уверяю тебя, что я...

Фульвия. А за кого в таком случае пошла молиться Ливия?

Эрнестина (*снова ничего не понимает*). Да... я...

Фульвия. Видишь, ты тоже в трауре. Разве это не сообщничество?

Эрнестина. Но я ведь тоже думала, что ты...

Фульвия. А потому вот здесь — синьора Франческа Джелли.

Эрнестина. Дай посмотреть на тебя. Ты знаешь, я тебя совсем не узнаю.

Фульвия. Это из-за крашеных волос. (*Показывает на волосы старухи*.) Как очаровательно, как очаровательно, посмотри только на себя! И я тоже — видишь? И мне говорят, что это просто ослепительно!

Эрнестина. Нет... я... потому, что я седая... Вот из-за волос-то я тебя и не узнала!

Фульвия. А по голосу, а по голосу!

Эрнестина. Что ты хочешь, после тринадцати лет и к тому же я немножко глуховата и, наконец, будучи уверена, что ты... сохрани тебя бог, дитя мое... по скажи мне, скажи, как это случилось? Вы должны были совершить для дочери этот новый обман...

Фульвия. Да, я думала...

Эрнестина. Но Ливия, Ливия верит!

Фульвия. Этому верят все!

Эрнестина. Ну и что же!

Фульвия. Но все несчастье в том, что я сама кончила тем, что поверила этому не хуже Бетты.

Эрнестина. Что? О боже мой! Не начинай меня морочить опять!

Фульвия. Нет, нет! Теперь я уж к этому привыкла. Ты должна тоже этому поверить, но поверить так... как сказать тебе? — ну, так, как в себя самое!

Эрнестина. Я понимаю, ради Ливии? Ради людей?

Фульвия. Нет, нет! Ради тебя самой, именно тебя самой, потому что ты ее тестка.

Эрнестина. Чья? Ливии?

Фульвия. Нет, той, которая была твоей племянницей! (*Пасмурно.*) Прекрасная племянница, можешь ею похвастаться! (*Пауза.*) Ты раньше делала это из-за денег, но, уверяю тебя, ты должна была бы стыдиться ее.

Эрнестина (*сбитая с толку*). Как? Почему?

Фульвия. Она вела скверную, отчаянную жизнь! (*Останавливаясь, заметив выражение лица тетки.*) Может быть, ты хочешь защищать ее, после того как...

Эрнестина. Но, прости меня, я не понимаю! Ты разве не о себе говоришь?

Фульвия. Нет, дорогая тетя, я же говорила тебе, что я — синьора Франческа Джелли, и ты и вообразить себе не можешь, с каким злорадством я обливаю грязью эту свою племянницу, ту, которую здесь вознесли в рай и за которую идут молиться все, даже прислуга. (*Вдруг с порывом почти бешеноей радости.*) Ты знаешь, я снова буду матерью!

Эрнестина. Ты? Матерью?

Фульвия. Да, действительно, как раньше! Такой же, какой была раньше, такой, какой она, Ливия, меня не знала. О, тетя Эрнестина, поверь, поверь мне! Это настоящее возрождение для меня! Пойми, что я снова чувствую себя матерью, как тогда, когда я ждала ее, да, да, и я чувствую, что такая, какая я есть, — я действительно святая, за все страдания, прежние и настоящие, за все страдания этих четырех месяцев, которые я терпела из-за нее... Ты представить себе не можешь, что это было, что это было...

Эрнестина. Я представляю себе, представляю... Но, бедняжка, она так поступала по неведению!

Фульвия. Да, по неведению, но с какой жестокостью! Холодная, злая, как лед, как мрамор! (*Вдруг, глубоко вздохнувши, приподнимается и прижимает руки к глазам.*) О боже мой! Опять эти назойливые мысли!

Эриестина (удивленная этим неожиданным волнением). Что с тобой?

Фульвия. Ничего. Я только что говорила об этом с ее отцом... мне надо освободиться от этих мыслей. (*Страхаясь вернуть себе хладнокровие.*) Поверь мне, я сделала все, что могла, чтобы заставить ее полюбить меня... не для меня, нет, но чтобы она почувствовала... право, не знаю, как тебе сказать... чтобы она почувствовала, что я... Иногда даже ее выходки заставляют меня внутренне улыбаться, но она замстила это, и если бы ты видела, как она тогда меняется в лице... Какое мучение! Я могла бы все вынести, потому что я любила ее, как тогда, когда мне было восемнадцать лет... (*Обрывая, как будто какая-то неожиданная мысль пришла ей в голову.*) Да, кстати, ты должна мне сделать одно одолжение, тетя Эриестина. Я уверена, что она согласится!

Эриестина. Одолжение? Я?

Фульвия. Да. Ты должна уговорить ее... скажи ей, что это для того, чтобы сделать мне неприятность, — уговори ее надеть как-нибудь на днях мое газовое платье с розочками, оно хранится у нее.

Эриестина. Что ты? Что это тебе вдруг пришло в голову!

Фульвия. Пожалуйста, пожалуйста, тетя! Мне будет так приятно увидеть ее в нем такой, какой я была в ее годы!

Эриестина. Но что за странная мысль, право!

Фульвия. Правда, она мало на меня похожа...

Эриестина. Но как же я могу ее уговорить. Она ни за что не согласится!

Фульвия. Да, ты, пожалуй, права, она сочтет это за святотатство!

Эриестина. А я? Представь себе только, в каком положении находусь я теперь?

Фульвия. Да, да, действительно. Только, пожалуйста, постарайся не выдавать себя. Сильвио страшно удручен всем этим... Он хочет, чтобы ты сейчас же уехала.

Эриестина. Как? Сейчас? Сию же минуту?

Фульвия. Бедная тетя Эриестина! Приехала, чтобы вместе с племянницей отравлять жизнь этой втершейся в дом чужой женщине.

Эриестина. Нет, помилуй, что ты говоришь!

Фульвия. Ну, скажи правду, она просила тебя приехать?

Эриестина. Да нет же, клянусь тебе, я приехала только чтобы узнать...

Фульвия. Ну уж извини, пожалуйста, а сундук?
(Смеется.)

Эриестина (застыгнутая врасплох). Сундук... Я его привезла... Но ведь я не могла же себе представить...

Фульвия. Ничего, ничего. Нужно только, чтобы ты ловко притворялась и ничем не выдавала себя.

Эриестина. Боже мой! Это страшно трудно!

Фульвия. А разве ты не притворялась в течение стольких лет?

Эриестина. Да, но не перед тобой!

Фульвия. Ты все еще не можешь забыть, кем была твоя племянница!

Эриестина. Боже меня упаси!

Фульвия. Почему?

Эриестина. Я не могла думать об этом, говоря с Ливией.

Фульвия. Прекрасно, а теперь думай.

Эриестина (с ужасом). Что ты от меня хочешь?
Как же я могу!

Фульвия. Не будь дурой! Я не твоя племянница. Ты увидаешь. Ливия обходится со мной, как с «такой». Я читаю по ее глазам, что она подозревает обо мне всякие ужасы.

Эриестина. Что ты! Что ты! Она сама невинность!

Фульвия. Ненависть играет у нее роль дьявола, того, знаешь, на дереве...

Эриестина. На каком дереве?

Фульвия. Вспомни священную историю, тетя Эриестина. Дерево познания добра и зла... змий...

Эриестина (не понимая). Ах!.. да... А твой муж, а твой муж?

Фульвия. Что — мой муж?

Эриестина. Как он с тобой теперь?

Фульвия (смутилась, смотрит на нее, не решаясь ответить; потом, нахмурившись). Он мне противен.

Эриестина. Знаешь, что он стал...

Фульвия. Знаю, знаю, каким он стал, но все-таки, ты понимаешь? Когда мы с ним с глазу на глаз — он жаждет меня такой... понимаешь, такой — искушенной, прошедшей сквозь огонь, воду и медные трубы, — такой, которая бы всю его добродетель смела бы (*делает жест рукой*) к черту.

Эрнестина (*стыдливо жеманяясь, но с живейшим любопытством*). Не понимаю...

Фульвия (*с отвращением*). Облила бы грязью. А наутро, для дочери, он снова напяливает свою личину добродетели, правда, несколько потрепанную. Он такой же, каким был раньше. Но тогда ему по крайней мере не было пятидесяти, и он не корчил из себя святоши. И тогда я не видела его насквозь, как вижу теперь! Извини меня, тетя Эрнестина, ты, собственно, не можешь этого попять.

Эрнестина (*задетая в своем целомудрии, продолжает, как будто ничего не слышала, прерванный разговор*). Вот что я хотела сказать: я должна буду как можно меньше видеть тебя, как можно реже быть с тобой...

Фульвия. Ты боишься выдать себя?

Эрнестина. Да, но, может быть, можно было бы понемногу...

Фульвия. Нет, нет, невозможно, ведь я уж говорила тебе! А потом эти тринадцать лет — ведь они были на самом деле? И как она озлоблена... Это было бы ужасно для нее! Я так убеждена в этом, что не вижу никакой возможности... (*Повелительным шепотом*.) Молчи!

Входит Бетта.

Бетта. Синьора, пришел синьор профессор Чезарино.

Фульвия. Ах, Ливия ведь сегодня не будет брать урока, надо было бы предупредить его!

Бетта. Да, но синьора ведь знает, что они приходят также для того, чтобы... (*Показывает жестом, что они приходят поесть*.)

Фульвия. И синьора Барберина пришла?

Бетта. Да, синьора. Оба они здесь. Сейчас они отряхивают пыль, совсем испотели от жары.

Фульвия. Бедняжки! Попросите их войти!

Бетта уходит.

Фульвия (*подходит к тетке*). Ну, смотри, следи за собой, тетя Эриестина!

Входит Чезаре и его жена Барберины, два комических персонажа. Он очень высокого роста, лысый, но вокруг лысины в виде венка седые густые волосы, которые падают ему на уши. Лицо его багровое от жары, так как они пришли пешком. На нем очень широкий чесучевый новый костюм, очевидно спитый женой. Не только брюки, но и рукава пиджака засущены, паверное тоже от жары. В руках он держит большой носовой платок, мокрый от пота. Синьора Барберины, коренастая и вся какая-то пеленая. Кажется, что она всегда как на иголках из-за чрезмерной живости мужа. Светлое платье на ней контрастирует со смуглым добродушным лицом. На голове большая, яркая коломенская шапка, одетая набок, что придает ей еще более комичный вид.

Барберина (*входя слева*). Можно?

Фульвия. Пожалуйте, пожалуйте, синьора Барберины!

Барберина. Приветствую вас, синьора!

Чезарипо (*кланяясь и засущивая еще выше рукава*). Почтеннейшая синьора!

Фульвия (*представляет их*). Синьор Чезарипо Рота, учитель музыки Ливии, синьора Барберины, его супруга, синьорина Галифи, родственница Ливии.

Обеюдные поклоны.

Фульвия. Прошу вас, садитесь.

Чезарипо. Ну и жара, какая жара, синьора... какое наслаждение здесь у вас... Ох, пыльца!

Барбериша (*заметив, что он вошел с засущенными рукавами и брюками, с ужасом*). Чезарипо!

Чезарипо (*не понимая*). Что такое?

Барберина. Боже мой! Кто же входит в таком виде!

Чезарипо (*поняв, начинает сейчас же отворачивать брюки*). Ах, да! Извините! (*Из брюк выпадает на ковер комок земли.*) Посмотрите, пожалуйста, сколько ныли!

Барбериша. Но выйди же по крайней мере!

Чезарипо (*сейчас же вставая и направляясь к двери налево*). Да, да, в самом деле, извините, извините! (*Выходит.*)

Барбериа. Прошу вас, извините, синьоры...

Фульвия. Пустяки, пустяки!

Барбериа. Он такой рассеянный, вы себе представить не можете!

Фульвия. Как все артисты.

Барбериа. Правда, по дороге...

Фульвия. Мне, право, так жаль, что...

Чезарипо (*входя*). Вот и я. (*Сейчас же машинально начинает снова засучивать рукава.*) А моя ученица?

Фульвия. Я как раз только что хотела сказать синьору Чезарипо... мне так жаль, что Ливия...

Чезарипо. Может быть, она нездорова?

Фульвия. Нет, она пошла с отцом в церковь.

Чезарино (*очень озабоченно, так как занимает должность органиста*). А что сегодня? Какая служба? Боже мой, Барбериа!?

Фульвия. Успокойтесь, успокойтесь, это заказанная заупокойная месса. Сегодня (*Эрнестине*), скажите лучше вы, синьорипа, двадцатая или тридцатая годовщина?

Эрнестина (*ошеломленная, как бы падая с облаков*). Я? В чем дело? Я не знаю.

Фульвия. Я спрашиваю вас, которая годовщина...

Чезарипо (*сейчас же припоминая*). Ах да, смерти...

Барбериа (*с сокрушенным видом*). Ее матери!

Фульвия (*также с сокрушенным видом указывая на Эрнестину*). Да, племянницы синьорипы.

Эрнестина (*приходя в себя от изумления, с живостью*). Да, да... сегодня годовщина!

Фульвия. Тридцатая, правда?

Эрнестина. Да, да, тридцатая... тридцатая.

Чезарино. Скажите пожалуйста...

Барбериа. Мы не знали... Пожалуйста, извините, мы бы не пришли...

Фульвия. Ничего, ничего, мы забыли предупредить вас...

Барбериа. Мне так невыгодно, право. (*Делает вид, что хочет встать.*) Мы...

Фульвия (*останавливая ее*). Нет, нет, не уходите. (*Эрнестине.*) Я думаю, что Ливия не будет играть сегодня...

Чезарино. Почему же? Ведь прошло уже тринадцать лет...

Барбериана (взвизгивая). Чезарино! Разве ты не видишь, что здесь... (*Указывает на все еще растерянную Эриестину, которая не знает, как себя держать.*)

Чезарино. Pardon, pardon.

Барбериана. Разве ты не видишь, что тетушка еще в трауре!

Фульвия. Потому что она любила се, как родную дочь!

Чезарино. Конечно, конечно. (*Эриестине.*) Вы сейчас приехали павестить дочь своей племянницы. А?

Эриестина. Да, да, я приехала...

Чезарино. Специально в этот день грустных воспоминаний...

Эриестина (*не знает, что ей ответить*). Да... имен... но... да...

Барбериана. Я думаю, все-таки нам лучше...

Фульвия. Нет! Мне кажется, что Ливии не будет несвятого, если вы останетесь с нами, по обыкновению, иообедать. К тому же она забыла предупредить, чтобы вы не приходили, но здесь ее тетушка, пусть она скажет.

Эриестина. Что? Что я должна сказать?

Фульвия. Никто лучше вас не может знать настроения Ливии...

Эриестина (*сбитая с толку, стараясь взять себя в руки*). Да... да... понятно... попятно... но я сама здесь только гостья...

Фульвия. Ну, тогда я беру на себя, и прошу вас, синьор профессор, и вас, синьора, оставаться. Я не могу допустить, чтобы вы возвращались по такой жаре...

Чезарино. Сейчас уже час пополудни...

Фульвия. Как? Уже? Значит, через несколько минут они будут дома.

Чезарино. В один миг прикатят на автомобиле! Какая прелесть! Честное слово, синьора, если бы нам сейчас пришлось возвращаться домой по этой жаре пепком, мы бы, паверно, умерли!

Фульвия (*вставая*). Нет, нет — прошу вас, пойдите отдохнуть.

Все встают.

Фульвия. Пройдите, пожалуйста, в ту комнату, где вы обыкновенно отдыхаете. (Показывает на первую дверь направо.)

Барберина. Благодарю вас, если позволите, я сниму шляпу.

Чезарино. А я, если вы мне позволите, синьора... и хотел бы сегодня настроить рояль...

Барберина. Что ты, Чезарино? Разве ты не слышал, что сегодня нельзя играть?

Чезарино. Настраивать — это не играть.

Фульвия. Хорошо, синьор Чезарино, после обеда.

Чезарино. Вот и прекрасно. А теперь, если разрешите, я пойду отдохну. (Уходит вместе с женой в первую дверь направо.)

Эрнестина (отчаянно, с видом сумасшедшей). Нет! Нет! Нет! Я уезжаю! Я больше не в состоянии!

Фульвия (улыбаясь). Вижу, вижу, тетушка!

Эрнестина. Что ты видишь? Я не могу больше! Сейчас же, сию минуту я уезжаю!

В этот момент слышится голос Бетты за дверью налево: «Вот они возвращаются».

Я пойду наверх, я пойду собираться, я уезжаю, я уезжаю!

Эрнестина быстро уходит направо и почти в то же время слова входит Сильвио.

Сильвио (с беспокойством, намекая на отъезд Эрнестины). Ну, что?

Фульвия (смотрит на дверь налево, потом спрашивает). А Ливия?

Сильвио. Она пошла кругом, она, наверное, наверху. Что ты сделала?

Фульвия. Опа уезжает! По своему желанию...

Сильвио. Сегодня?

Фульвия. Не знаю, сегодня... завтра... Она сама считает, что ей нельзя оставаться.

Сильвио. Ну и прекрасно! Но я не хотел бы, чтобы сегодня за обедом...

Фульвия. К счастью, у нас профессор с женой.

Сильвио (показывая на первую дверь направо). Они там?

Фульвия. Да. Иди, иди поскорей, через несколько минут подадут обедать.

Сильвио уходит в дверь направо. Через несколько минут из второй двери справа входит Ливия, мрачная, нахмуренная; она решительно направляется к Фульвии.

Ливия. Это ты приказала тете Эриестине уехать?

Фульвия (очень огорчена ее настроением). Нет, милая, не я...

Ливия. А почему же она уезжает, не успев приехать?

Фульвия. Не знаю... Никто ей ничего не говорил, опа сама...

Ливия. Опа сама? Это невозможно!

Фульвия. Все-таки, я тебе повторяю, что она...

Ливия. Но сегодня утром, по приезде, она сказала мне, что собирается оставаться надолго.

Фульвия. Я знаю это, мне сказали, что она привезла с собой сундук...

Ливия. Вот видишь...

Фульвия. Уверяю тебя, что касается меня, то я ничего не имею против нее. Я даже сказала твоему отцу, что мне доставило бы удовольствие, если б она осталась.

Ливия. А, так, значит, это он! (Высокомерно, ходя глядя ей в глаза.) Но почему?

Фульвия. Я тут ни при чем, поверь мне, Ливия... Я знаю, ты подозреваешь, что это из-за меня?

Ливия. Подозреваю? Мне кажется, что это ясно.

Фульвия. Нет, извини, пожалуйста. Прошу тебя вспомнить, что он уже раз заставил ее уехать, когда меня здесь еще не было. Опа сама мне рассказала это.

Ливия. Да, это правда. Но сейчас совсем другое.

Фульвия (огорченная, с еще большей мягкостью). Ты хочешь сказать — потому что я здесь? Я говорила твоему отцу, что ты будешь обвинять именно меня.

Ливия. Но все-таки ты просила ее уехать!

Фульвия. Я вовсе не просила, никто не просил ее. Что ты хочешь от меня? Если она решилась уехать так, вдруг, то это, может быть, потому, что, познакомившись со мной, она почувствовала ко мне антипатию, отвращение. Очевидно, уж такая судьба моя здесь, хотя, кажется, я делаю все, что могу. И ты, если бы ты была немного спра-

недавнее ко мне, признала бы это. Поверь, я была с ней очень любезна, но мне говорили, что она всегда была с пренчудами.

Ливия. Я ее очень люблю.

Фульвия. Верю. Именно потому-то я и была с ней очень любезна. Честное слово. Мы даже шутили с ней... Примо не могу понять, на что она могла обидеться. (*Стараясь обратить все в шутку, намекая на комичный вид тетки.*) Может быть, знаешь почему? (*Паклоняется, улыбаясь, к Ливии и показывая ей на свои волосы, поднимает рукой прядь волос.*) Эти волосы...

Ливия. Я не понимаю, что ты хочешь сказать...

Фульвия. Ты знаешь, у нее тоже крашеные волосы, она так сурово смотрела на мои... Может быть, она боится, что ее краска теряет по сравнению с моей. Ты еще не можешь понять некоторых слабостей...

Ливия (*холодно и резко*). Конечно. Но лучше мне не понимать их.

Фульвия (*понимая, что презрение Ливии относится к ней*). Так знай же, что я продолжаю красить волосы ради тебя.

Ливия (*с отвращением*). Ради меня?

Фульвия. Да, именно, по совету твоего отца.

Ливия. Не понимаю.

Фульвия. Я знаю, что ты не понимаешь, но представь себе, что у меня натуральный цвет волос точь-в-точь как у тебя! Точь-в-точь!

Ливия. Ну и что же из этого?

Фульвия. Ведь ты думаешь, что цвет волос ты унаследовала от матери.

Ливия (*кладя обе руки на голову, как бы для того, чтобы защитить волосы своей матери от глаз Фульвии*). Я знаю это...

Фульвия. Тебе сказал это твой отец. Вот потому-то, вопреки своему желанию, я и продолжаю красить мои волосы. (*Под влиянием вдруг нахлынувших воспоминаний о своей молодости, растроганная, с робким желанием.*) Я смотрю на твои пежевые завитки на затылке, и мне так хочется взять их тихонько, чтобы не сделать тебе больно, и навить их себе на палец.

Ливия вздрагивает от отвращения.

Фульвия (заметив это, почти с жалостью к самой себе, с неопределенной улыбкой). Ты, кажется, чувствуешь щекотку уже от одних моих слов.

Ливия (отходя от нее, порывисто). Нет.

Фульвия. Тебе противны мои пальцы? Да, конечно, ведь ты представляешь себе, что твоя мать ласкала тебя именно так, когда ты была маленькой.

Ливия, закрывая лицо руками, рыдает. Из первой двери справа входит Сильвио, который, вероятно, подслушивал.

Сильвио. Ливия, что с тобой?

Фульвия (быстро). Ничего, ничего. Она плачет, потому что уезжает тетка. Ты должен обязательно уговорить ее остаться.

Сильвио. Хорошо, хорошо, посмотрим...

Фульвия. Она должна остаться, я говорю тебе, она должна остаться.

Сильвио. Хорошо, пусть останется, но Ливия прекрасно знает (подходит к Ливии и обнимает ее), что эта тетушка совсем не стоит ее слез...

Ливия (цепляясь за отца, с какой-то судорогой испытывая и отвращения). Я плачу совсем не потому, не потому!

Сильвио (прижимая Ливию к груди, строго смотрит на Фульвию). Тогда почему же?

Фульвия (разводит в отчаянии руками, смотря как бы издалека). Я не знаю...

После небольшой паузы, из первой двери справа входит Бетта и останавливается на пороге.

Бетта. Кушать подано. (Уходит.)

Сильвио. Ну успокойся, успокойся, Ливия, будет, пойдем, у нас гости... пехорошо, если они заметят...

Ливия (сдерживаясь). Да, да, сейчас...

Сильвио. Ну, вытри твои глазки. (Идет, обнимая Ливию, к выходу. Оборачиваясь к Фульвии.) Пойдем.

Фульвия (разводя руками и вздыхая). Иду.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же сцена, что и во втором действии. Полгода спустя. Февраль. Вечер. На сцене Ливия и тетка Эрнестина. Обе большие не в трауре. Ливия в сильном беспокойстве сидит за столом, на котором разложены книги и журналы. Она перелистывает их. Тетка ходит взад и вперед по комнате, чтобы согреться.

Эрнестина. Казалось бы, что должна наступить хорошая погода, а она, паоборот, портится. (Пауза.) Бррр... какой холод здесь... (Пауза.) Тебе не холодно?

Ливия (отбрасывая журнал, резко). Нет.

Эрнестина. Какая ты счастлива! (Пауза; потирает руки.) Февраль, февраль... Путешествовать по такому холоду с новорожденным ребенком... (Пауза.) Но сказки, пожалуйста, куда запропастилась Бетта?

Ливия. Не знаю.

Эрнестина. Вот уж больше четырех часов, как она ушла. Мне кажется, ей следовало бы приготовить что-нибудь к их приезду; ведь еще ничего не готово.

Ливия (подымаясь, с негодованием). Все готово! (Изогнувшись, после паузы.) Я думаю, что ты могла бы попять, как меня возмущает твоя заботливость!

Эрнестина (улыбаясь, великодушно). Ты-то не помнишь, а я помню, какая была радость, когда ты родилась...

Ливия. При чем тут я?

Эрнестина. Все-таки это твоя сестренка.

Ливия (не сдержавшись). Дура!

Длинная пауза. Ливия все время треплет книгу, которую она взяла после журнала, несколько раз порывается что-то сказать тетке, но, переполненная ненавистью, сдерживается.

Эрнестина (вздыхая). Ну, вот...

Ливия. Это невероятно! Как можешь ты, ты вспоминать сейчас мое рождение, радость моей матери! Это невероятно! Это невероятно!

Эрнестина. Начнется новая жизнь... А здесь она так необходима.

Ливия. Я дождусь кое-чего, а потом оставлю тебя здесь, раз уж ты стала союзницей с новой жизнью, которая здесь начнется.

Эрнестина. Чего ты хочешь дождаться?

Ливия. Это уж позовь мне знать.

Эрнестина. Теперь и ты вошла во вкус этой таинственности, говоришь со мной загадками. Ты сказала, что оставишь меня здесь; значит, ты собираешься уехать?

Ливия (с тоской). Довольно, тетя Эрнестина; я не желаю больше говорить с тобой.

Эрнестина (после паузы). Но у тебя есть отец, который тебя так любит, так о тебе заботится...

Ливия (страстно, со злобой). Довольно! Замолчи! Разве ты не понимаешь, что я не могу слышать, когда ты так говоришь?

Эрнестина. Я молчу. (После долгой паузы, не в силах сдерживаться, начинает снова.) Но все-таки некоторые мысли я посоветовала бы тебе выбросить из головы (пауза), потому что это предубеждение, поверь мне, только предубеждение...

Ливия (прерывает ее). Воже мой! Она опять!

Эрнестина (недовольно). Ты говоришь, что я стала союзницей... Я ведь приехала специально для тебя.

Ливия. Чтобы защищать меня, конечно!

Эрнестина. Чтобы защищать тебя! Чтобы защищать тебя!

Ливия. А сейчас защищашь ее!

Эрнестина. Но я вовсе не защищаю ее; я только справедлива. Я вижу, что это ты не хочешь сложить оружие.

Ливия (с живостью, дерзко). Но ты... Тебе известно, какую женщину ввел в наш дом отец!

Эрнестина (ошеломленная). Кто? Какую женщину?

Ливия. Подожди, подожди; надеюсь, что я скоро сумею объяснить тебе это.

Эриестина (*придя в себя, со сдержаным упреком*). Но что ты думаешь, чего ты доискиваешься? Успокойся, дитя мое, и поверь мне, она много страдала...

Ливия. Страдала? Это заметно по ее волосам.

Эриестина. Поверь мне, поверь мне... (*С комическим жестом, вспоминая свои крашеные волосы.*) При чем тут волосы?

Ливия. Я узнала, как он привез ее сюда.

Эриестина. Боже мой, ведь он знал же ее...

Ливия (*быстро*). Еще до моего рождения. Потом он забыл ее, он забыл. Его — вызвали... Он поехал спасать ее... (*Вдруг останавливается.*) Подожди, я говорю тебе... Я могу дать самые точные сведения...

Эриестина. Ты наводила справки?

Ливия. Не твое дело.

Эриестина. Ты справлялась у священника?

Ливия. Тут-то мы и увидим, как заботился обо мне отец! Он все это время в каком-то первом напряжении, чего-то опасается, оглядывается направо,.. палево... О, я знаю, чего он боится.

Эриестина. Ничего ты не можешь знать! Просто он беспокоится о тебе.

Ливия. Да, да. Он боится, чтобы я не узнала! Двух месяцев не прошло, как он уехал, а уж восемь раз возвращался.

Эриестина. Чтобы повидаться с тобой, чтобы хоть день побывать с тобой.

Ливия. Нет, нет, вовсе не потому. Он ничем больше не может заниматься, он опустился... Чтобы не сказать больше... В пятьдесят лет связаться с такой женщиной, как эта! — Почему он не женился на ней раньше, если он так давно знаком с ней?

Эриестина. Может быть, он раньше не мог.

Ливия. Она не была замужем, он был вдовцом, почему не мог?

Эриестина. Что ты в этом понимаешь! Возможно, он не хотел жениться из-за тебя же.

Ливия. Из-за меня! Для меня было бы лучше, если бы он это сделал раньше, пока я еще ничего не понимала!

Эрнестина. Ну тогда, паверное, была какая-нибудь другая причина, почему тебе доискаваться!

Ливия. Ты хочешь сказать, из-за моей матери? Нет, больше всего меня возмущает то, что я ясно вижу, что эта любовь у него смолоду, еще при жизни моей матери; это оскорбляет память моей матери! Мне кажется, у меня такое впечатление, что он обманывает ее сейчас! Мне кажется, что моя мать после тридцати лет возвращается и оживает, чтобы страдать при виде их любви! За это, за это я ненавижу эту женщину, особенно тогда, когда она старается относиться ко мне, как мать! Она возбуждает во мне ужас, отвращение! Как будто, говоря со мной, смотря на меня, она всякий раз обманывает мою мать!

Эрнестина. Что ты говоришь! Ты сходишь с ума! Подумать только, какие мысли в голове у этой девчонки! Боже мой, грех так думать!

Ливия. Да, да, ты увидишь, что я еще сделаю!

Эрнестина. Какое счастье, что твой отец возвращается сегодня вечером!

Ливия. И привезет с собой сестренку?

Эрнестина. Я хотела уехать, теперь я раскаиваюсь что я этого не сделала! Но как только они вернутся... Да да, я прежде всего ценю свой покой...

Ливия. А как же, ведь тут начнется новая жизнь...

Эрнестина. Я говорила для тебя! Для меня уже все кончено! Я старуха. Одни неприятности!

Ливия. Да, для меня тоже начнется новая жизнь!

Эрнестина (кача головой). Перестань ты наконец! (Долгая пауза. Идет на веранду, смотрит в сад.) Но посмотри, пожалуйста, калитка опять открыта.

Ливия. Паверное, садовник забыл зашереть. Он, должно быть, где-нибудь поблизости, в саду.

Эрнестина. Да, по уже темнеет... И такая погода! Бетты все еще нет. Мне, право, становится жутко.

Ливия. Ты думаешь о том синьоре, который в прошлый раз...

Эрнестина. Он как раз стоял там, перед калиткой,— помнишь?

Ливия. И что-то высматривал, да? Мне страшно, что ты его не знаешь.

Эриестина. Откуда мне его знать?

Ливия. Но он говорил тебе, что знает маму?

Эриестина. Он, наверное, нарочно сказал. Он хотел сделать вид, что знает хозяйку дома, увидел тебя у окна и сказал «мама», указывая на тебя!..

Ливия. Так ты предполагаешь, что он говорил о той женщине?

Эриестина (*взволнованно*). Ах, ты все со своими разысками!

Ливия. Нет, нет, я уже об этом забыла, если бы ты мне не напомнила. Но, может быть, этот господин тоже что-нибудь откроет... Приезжает сюда неизвестно откуда, ищет ее...

Эриестина. Может быть, он с ней где-нибудь встречался!

Ливия. Кто его знает...

Эриестина. Ливия, прошу тебя, хоть при мне не говори так, потому что в мое время молодые девушки...

Ливия. Ну, полно, тетя! «Молодые девушки»? Неважели ты думаешь, что я не понимаю, какого сорта эта женщина. И кто этот кавалер! Он был даже без пальто! Он сказал тебе, что придет еле?

Эриестина. Да, он сказал, что будет ждать ее возвращения.

Ливия. Значит, придет сегодня! (*Про себя.*) Я хотела бы поговорить с ним.

Эриестина (*после минутного размышления, решительно*). Послушай, я пойду закрою калитку. (*Хочет идти.*)

Ливия. Нет, тетя, не надо. Садовник тогда не сможет войти.

Эриестина. У него, наверное, есть ключ. (*Спускается с веранды в сад.*)

Ливия остается в глубокой задумчивости. Через несколько минут возвращается продрогшая тетка Эриестина.

Эриестина (*входя*). Сегодня прямо-таки мороз.

Ливия (*после паузы, все еще в задумчивости*). Не кажется ли тебе странным, что папа, желая отдохнуть, выбрал именно это место и что вот уже семь месяцев мы здесь, а ни с кем еще не познакомились?

Эрнестина. Да, в самом деле! Он выбрал скверное место. Такая глушь! (Говорит это, погиная от холода руки, которые держит на груди. Вдруг вздрагивает от глухого удара, раздавшегося слева во входную дверь.) О боже мой.

Ливия. Что с тобой?

Эрнестина. Разве ты не слышала?

Бетта, закутанная, в старой шляпе, входит слева.

Ливия (смеясь). Ах, это Бетта.

Бетта (не понимая ни причины их испуга, ни смеха). Что случилось?

Эрнестина. Закройте двери. Как я испугалась! (Бегте.) Очень холодно?

Бетта. Сейчас пойдет дождь.

Эрнестина. Я умираю от холода, пойду наверх, принесу себе шаль. (Уходит через вторую дверь направо.)

Бетта (сейчас же подходит с таинственным видом к Ливии; тихо, жестикулируя). Ясно как день! Никаких сомнений!

Ливия (тревожно). Говорите, говорите!

Бетта. Он не мог прийти сюда, боялся скандала!

Ливия. Ответ пришел?

Бетта. Да, уже два дня тому назад. Он боялся прийти сюда, ждал меня, бедный старик!

Ливия. Ну? Значит, ничего?

Бетта. Ничего. Никакого оглашения в церкви, ни в Мерате, ни в Лоди. Никакой записи в комиссариате!

Ливия. Так, значит?

Бетта. Ясно как день, что брака не было. Она не его жена. Они не женаты!

Ливия. Но, может быть, достаточно было свидетельства о смерти моей матери?

Бетта. Нет, нет, для вдовца тоже нужно оглашение, ведь в течение трипяти лет он мог бы несколько раз жениться. Ничего нет! Они не венчаны! Вы можете быть уверены!

Ливия. Да, да. Это должно быть так!

Бетта. Теперь все ясно, вот почему она не хотела рожать здесь, а уехала так далеко! Здесь она должна была бы зарегистрировать рождение ребенка, и таким

образом все бы открылось! Все бы узнали, что она не жена, что ребенок незаконный! Но все равно, через несколько дней и так все выяснится.

Ливия. Мне больше ничего не надо! С меня достаточно и этого!

Бетта. Да разве господа так поступают!

Ливия (*с ненавистью думая об отце*). Он мог сделать это...

Бетта. Ну и ловкие же эти женщины! И святого проведут!

Ливия. Не постыдился привести ее в собственный дом, поселить ее под той же крышей! Заставил меня называть ее мамой!

Бетта. Да, тут я ничего не понимаю!

Ливия. Но теперь! (*Тихо*) Молчи!

Через вторую дверь справа входит тетка Эрнестина в наинутой на плечи шали.

Эрнестина. Надо зажечь здесь свет, стало совсем темно.

Ливия (*Бетте*). Пойдем наверх, пойдем наверх!

Ливия и Бетта уходят через вторую дверь направо.

Эрнестина (*проводя их глазами*). Что с пими? Где пропадала эта старая сплетница? (*Задумывается, потом вздыхает*.) Ну и история! Зажгу-ка я свет. (*Подходит к двери слева, чтобы зажечь электричество*.)

В это время Маури, который вошел в сад, прежде чем Эрнестина закрыла калитку, входит с веранды. Он очень постарел за этот год, но глаза его еще более живые, чем прежде, в них светится трагическая веселость сумасшедшего. Он без пальто, в старом летнем костюме. Остается в тени около веранды.

Маури (*как только тетушка зажгла огонь*). Разрешите?

Эрнестина (*поворачиваясь с ужасом, держа руку на штепселе*). О боже мой, кто там?

Маури. Это я. Не пугайтесь, пожалуйста.

Эрнестина. Вы вошли как вор! Как вы сюда попали?

Маури. Я вошел через калитку, прежде чем вы ее закрыли.

Эрнестина. Вы подстерегали меня?

Маури. Воры, синьора, не спрашивают разрешения войти и не дожидаются, пока зажгут свет.

Эрнестина. Но кто вы? Что вам здесь надо?

Маури. Вы, наверное, забыли... Я в прошлый раз говорил вам...

Эрнестина. Но они еще не приехали!

Маури. Вы мне сказали, что они приедут сегодня.

Эрнестина. Но их еще нет, и я не знаю, когда они приедут. Уходите, пожалуйста.

Маури. Нет, я подожду. Или скажите мне лучше, где я могу найти их сейчас. Я думаю, что это было бы лучше, потому что здесь...

Эрнестина. Сейчас они в дороге, я уже говорила вам! (*Смотрит на него с любопытством, но все еще суро-во и подозрительно.*) Но что вам надо от нее? Почему вы хотите дождаться ее? Как вас зовут?

Маури. Вам совершенно бесполезно знать мое имя. Мне необходимо видеть ее, говорить с ней. (*Намекая на Фульвию.*) Она знает меня, и муж ее тоже знает. Вы, наверное, ее родственница?

Эрнестина. Да, я тетка.

Маури (*смотрит на нее недоверчиво*). Чья тетка?

Эрнестина (*уклончиво, так как этот вопрос воз-будил в ней подозрение*). Тетка... тетка... вернее, родст-венница дочери.

Маури. Со стороны отца?

Эрнестина (*не подумав, смущенно*). Нет — со сто-роны матери.

Маури. Значит, тогда... (*Спохватившись.*) Да нет! Не может быть! У нее была только одна тетка!

Эрнестина (*подстрекаемая любопытством*). Ну да, это и есть я, я.

Маури (*смотрит на нее весело, растроганно и гово-рит тихо и радостно*). Тетушка Эрнестина! Так, значит, вы — тетушка Эрнестина? А Фульвия думала, что вы умерли!

Эрнестина. Тише, тише, умоляю вас!

Маури (*тихо и таинственно*). Итак, ее здесь про-должают считать умершей. (*Говорит это радостно, при-ложив палец ко рту и закусив нижнюю губу.*) Для Ливии

оо все еще нет в живых? (Глаубоко вздыхает.) Ах, как и счастлив! Какое облегчение для меня! Какое облегчение! Я только этого и боялся, боялся, чтобы здесь все не выяснилось... (Вдруг бурно обнимает тетушку.) Ну, тогда помогите мне, помогите мне, тетушка Эрнестина! Вы, которая знаете все эти муки...

Эрнестина (испуганно, стараясь освободиться от него). Вы сошли с ума! Я вас совершенно не знаю!

Маури. Да, да, вы меня не знаете, но я говорю про эти муки...

Эрнестина (тем же тоном). Какие муки? Чьи муки?

Маури. Фульвии! Фульвии!

Эрнестина. Ничего не понимаю! Пустите меня! (Старается вырваться от него.) Я буду кричать!

Маури. Ее нет в живых для дочери!

Эрнестина. Но у нее сейчас родилась другая дочь, вот уж месяц тому назад!

Маури (с веселой беспечностью). Это все равно! Это все равно!

Эрнестина. Как это — все равно?

Маури. Я знаю это! Все равно! — Она уже тогда ждала этого ребенка, и все-таки хотела уехать со мной! — Это ничего... Тут была минутная слабость, она уступила ему! Если бы вы только знали, тетушка Эрнестина, как все это случилось! А!.. (С перекошенным лицом машет руками, потом широко открывает глаза, бледнеет, кажется, что у него кружится голова, и он вот-вот упадет.)

Эрнестина в страшнейшем испуге.

Ничего... ничего... (Смеется.) Все утро стараюсь и не могу вспомнить, как называлась в древности эта река...

Эрнестина. Какая река?

Маури. Ах, наконец вспомнил! Лета! Да, да — Лета. (Пониженным голосом.) Река забвения.

Эрнестина. Вы, кажется, пьяны!

Маури. Нет. Правда, эта река течет теперь в кабаках, но я не пью! И вот уж сколько ночей не сплю, дорогая тетушка Эрнестина! Вы знаете, мне кажется, что у меня глаза... что веки мои, как арки моста, переброшенного через пересохшую речку, русло которой полно мел-

ких камушков, и там кричат, кричат кузнечики, да! А в ушах у меня два проклятых кузнечика, которые кричат, так кричат, что прямо сводят меня с ума! Ах, пакошец-то я могу говорить, говорить с вами! Не правда ли, я хорошо говорю? Когда-то, когда я был в деревне, я мечтал, что меня изберут адвокатом; я тогда придумывал разные темы и говорил речи в лесу: «сипьоры судьи и синьоры присяжные...» А я все говорю, говорю, простите меня, но я не могу остановиться, я, кажется, с ума схожу, это от радости, я готов кричать от счастья, что я увижу ее!.. Фульвия вам, безусловно, говорила обо мне?

Эриестина. Нет, никогда. Я не знаю, кто вы!

Маури. Но это невозможно! Разве она не говорила вам, что она хотела лишить себя жизни из-за меня, год тому назад?

Эриестина. Да, она говорила мне...

Маури. А про меня она вам ничего не говорила?

Эриестина. Она говорила мне, что не в силах была больше выносить такую жизнь.

Маури. Нет, неправда! Она хотела лишить себя жизни из-за меня! Она отрицает это, по это так!

Эриестина (*смотрит на него испуганно, но все же со смиходительной жалостью*). Из-за вас?

Маури (*с досадой*). Прошу вас, не смотрите на мой костюм!

Эриестина (*как бы оправдываясь*). Нет, я смотрю на вас... я смотрю на вас, так...

Маури. Вы думаете, мне холодно? Я дрожу, но это не от холода. Это первы — это конвульсивная дрожь! Я не думал о себе, я мог бы зарабатывать, если бы хотел, но я был не в состоянии! Вот уже год — вот уже год, как я... (*Обрывая.*) Нет, это невозможно; должен же быть какой-нибудь конец!

Эриестина. Какого конца вам еще надо? Все уже кончено.

Маури. Ах, нет, нет — это неправда, этого не может быть! Теперь, когда я ее разыскал!

Эриестина. Но ведь я вам сказала, что теперь у нее есть дочь!

Маури. Вот это-то и есть главное! Да! Теперь мы посмотрим!

Эрнестина. Вы из-за этого и приехали? Какие у вас намерения?

Маури. Я приехал... я приехал... потому что у меня нет больше сил...

Эрнестина. Но я уверяю вас, что ей нет больше никакого дела до вас; она вся ушла в свою дочь!

Маури. Если вы говорите правду, то это огромное несчастье! Да, несчастье, тетя Эрнестина, потому что ведь я тоже существую! И вы существуете, дорогая тетушка Эрнестина, существуют еще и другие, и мы не можем уйти целиком, исключительно в нашу собственную жизнь. Но моя жизнь в ее жизни! Я не могу жить без нее...

Эрнестина. Но никто не обязан...

Маури. Насильно любить другого? Я знаю!.. Вот в этом-то и все горе! И тогда, тетушка Эрнестина, надо кончать с жизнью.

Эрнестина (*с ужасом*). Боже мой! Что вы хотите делать?

Маури. Не знаю, пока я здесь — вот уже год, как стараюсь привыкнуть жить без нее! Я вижу, что это невозможно!

В этот момент с веранды носспешно входит садовник.

Садовник. Синьорина, господа приехали, господа приехали!

Эрнестина (*к Маури*). Уходите, уходите, пожалуйста! Умоляю вас!

Маури. Я остаюсь.

Эрнестина (*садовнику*). Идите, Джованни, встречайте их!

Садовник бежит к двери справа.

Садовник. Иду, иду, синьорина. (*Уходит.*)

Эрнестина. Вы хотите устроить ей скандал при встрече с дочерью?

Маури. Нет, я буду говорить с ней, я скажу все!

Эрнестина. Вы сумасшедший! Умоляю вас — уходите!

Маури. Нет, я не уйду!

Эрнестина. Я обещаю вам, что я скажу ей про вас, подождите хотя бы до завтра!

Маур. Нет, я хочу говорить с ней сегодня вечером!

Эриестина. Хорошо, пускай будет сегодня вечером! Но попозже, когда она будет одна.

Маур. Вы обещаете мне это?

Эриестина. Да, да, обещаю! Как вас зовут?

Маур. Марко Маур.

Эриестина. Вот, вот, они уже идут! Уходите, уходите отсюда! (Выпускает его через веранду в сад.)

Из двери справа входят Бетта, и одновременно из двери слева Фульвия, в дорожном костюме, и Сильвио; за ними идет няня с ребенком в роскошном порт-бэбэ, закрытом розовой вуалью и одеялом.

Фульвия (хочет броситься обнять тетку Эриестину, но сейчас же сдерживается и протягивает ей только руку). О тетя! Дорогая синьорина Эриестина! Как вы поживаете? Как ваше здоровье? (Замечает, что Ливии нет.) Вот я наконец и дома!

Бетта. С приездом, синьора! С приездом, синьор профессор!

Фульвия. Милая Бетта... Как вы поживаете? Все ли у вас благополучно дома? (Няне.) Садитесь, садитесь, пожалуйста... (Подходит к ней вместе с Эриестиной и Беттой.) Все еще спит?

Няня садится, Фульвия поднимает вуаль и показывает на спящего ребенка.

Вот она, полюбуйтесь!

Бетта. Какая красавица!

Эриестина. Ангелочек! Как она спит!

Бетта. Но как она похожа!.. (Эриестине.) О, посмотрите, посмотрите, как она похожа на синьорину Ливию! Не правда ли?

Эриестина. Да, да...

Фульвия (к Сильвио). Что? Я тебе говорила...

Бетта. Совсем, совсем она!

Эриестина. Да, да! Мне кажется, что я вижу Ливию. Я помню ее точь-в-точь такой!

Бетта. И я тоже.

Фульвия (с неопределенной улыбкой, к Бетте). Ах, и вы тоже... Я-то, конечно, нет... Но мне тоже кажется, что она похожа на Ливию.

Сильвио. А где же Ливия?

Бетта (*смущенно*). Да... я была у нее...

Сильвио. Пойдите скажите ей, чтобы она спустилась вниз.

Бетта. Мне кажется, что...

Фульвия (*к Сильвио*). Оставь ее, боже мой!.. Если она не хочет...

Сильвио. Кто тебе сказал, что она не хочет?..

Фульвия. Может быть, она нездорова?

Бетта. Она заперлась в своей комнате...

Фульвия. Что я тебе говорила... Мы ее увидим завтра.

Сильвио. Я сам пойду к ней.

Фульвия. Иди, если хочешь, но не заставляй ее приходить сюда.

Сильвио. Хорошо, хорошо... (*Уходит через вторую дверь справа*.)

Фульвия (*Бетте*). Бетта, проводите, пожалуйста, няню в детскую.

Бетта. Слушаюсь, синьора. (*Няне*.) Пойдемте.

Фульвия (*няне, которая проходит мимо нее*). Осторожно, прошу вас, не разбудите ее!

Бетта. Не беспокойтесь, синьора, будьте покойны! (*Уходит с няней через первую дверь справа*.)

Фульвия (*сейчас же целуя Эрнестину*). Ах, тетя Эрнестина! Ты видела! (*Намекает на ребенка*.) Как я счастлива!

Эрнестина (*стараясь отклонить ее поцелуй*). Нет, послушай, я должна...

Фульвия. Что случилось?

Эрнестина. Несчастье, несчастье!

Фульвия. Ливия? Опять! Ну, пусть делает что хочет!

Эрнестина. Нет... Тут один человек... приехал... Хочет видеть тебя!

Фульвия. Меня? Кто?

Эрнестина. Он сказал мне свое имя... Он там, в саду!

Фульвия. В саду? Здесь? Да кто же это? Так поздно!

Эрнестина. Он хочет говорить с тобой!

Фульвия. Он спрятался там, в саду?

Эрнестина. Это чужой! Он не хотел уходить, я обещала ему, что скажу тебе!

Фульвия. Но как же теперь быть?

Эрнестина. Немного поздно... Он уже здесь два дня!

Фульвия (*про себя*). Что это еще за сумасшедший?

Эрнестина. Да, да, сумасшедший. Он говорил мне, что ты из-за него...

Фульвия. Маури! Он сказал тебе, что он Маури?

Эрнестина. Да, кажется, что-то такое...

Фульвия. Чего же он хочет?

Эрнестина. Мне кажется, у него дурные намерения...

Фульвия. Против меня?

Эрнестина. Он говорит, что без тебя не может больше жить.

Фульвия. А еще что он говорил? Ты сказала ему, что у меня...

Эрнестина. Что у тебя ребенок? Да, да.

Фульвия. И что же он?

Эрнестина. Он говорит, что ему все равно!

Фульвия. Он сумасшедший! Ничего... не бойся, тетя Эрнестина!

Эрнестина. Но он там, и если...

Фульвия. Да, да! Он в самом деле может устроить скандал. Но как же он приехал? Откуда он уезжал? Кто мог ему сказать?

Эрнестина. Но... Я ничего не поняла... Он говорил о каких-то кузнецах, начал произносить какие-то речи... Я поняла только, что он хочет копчить.

Фульвия. А что еще?

Эрнестина. Я сказала ему, что все уже кончено... Он начал угрожать мне...

Фульвия. Довольно, довольно! Я боюсь только, чтобы Ливия... чтобы она не услышала... Но мне нельзя волноваться... я не могу волноваться... (*Радостно.*) Ты знаешь, я сама кормлю ее!

Из второй двери справа входит Сильвио.

А, Сильвио!

Сильвио. Она сказала, что сейчас придет.

Фульвия. Ливия? Зачем? Лучше было бы, если бы она оставалась у себя.

Сильвио. Нет, пет. Она должна прийти, хотя бы из уважения ко мне.

Фульвия. Ты заставил ее?

Сильвио. Я не могу допустить такого поведения! Она даже не хотела открыть мне! Но в конце концов обещала сойти вниз.

Фульвия (*Эрнестине*). Пойди, тетя Эрнестина, пойди, скажи ей, чтобы она не приходила!

Сильвио. Но почему?

Фульвия. Потому что там в саду... этот Маури, знаешь?

Сильвио (*ошеломленный*). Здесь? Но каким образом?

Фульвия. Он, кажется, здесь уже несколько дней.

Эрнестина. Да, да! Он приходил, спрашивал...

Сильвио (*взволнованно*). И он говорил с Ливией?

Эрнестина. Нет, со мной.

Сильвио. Чего он хочет?

Фульвия. Того же, что и раньше, все тот же бред.

Сильвио. Как, все еще? Но как он разыскал нас?

Фульвия. Почем я знаю? Иди, иди, постарайся вынуждать его, пока не пришла Ливия!

Эрнестина. Не ходите один, не ходите один!

Сильвио (*пожимая плечами, уходит*). Что за глупости!

Эрнестина. Послушайтесь меня, пошлите лучше Джованни!

Фульвия (*сердясь*). Да перестань же, тетя! Они должны встретиться пяедине... Ты только пугаешь...

Эрнестина. Он был в таком состоянии...

Фульвия. Ну, тогда лучше пойду я.

Эрнестина. Нет, пет! Только не ты!

Из второй двери справа входит Бетта.

Фульвия (*к Бетте*). Где Джованни?

Бетта. Я не знаю... Он, наверное, у себя дома, в саду.

Эрнестина. Ну хоропю, хоропю, если он там...

Бетта. Я не знаю, силььора, должна ли я исполнить приказание силььорины Ливии.

Фульвия. Какое приказание?

Бетта. Она приказала подать автомобиль.

Эрнестина. А, понимаю! Она хочет уехать! Она уже говорила мне!

Фульвия. Что? Уехать? Куда?

Бетта. Мне кажется, что она уже уложила вещи...

Фульвия. Куда? Не успела я приехать, как она собралась уезжать! Это, конечно, нарочно!

Эрнестина. Нет, моя милая, они тут уж давно составляют какие-то заговоры. (*Смотрит угрожающе на Бетту.*)

Бетта. Вы это говорите про меня, силььорина?

Эрнестина. Да, да, про вас — тут еще замешан священник... Вас все куда-то посылают...

Фульвия. Но куда же она хочет ехать? Почему?

Бетта. Я не знаю, она мне только приказала...

Фульвия. При чем тут священник?..

Эрнестина. Вы и сегодня к нему ходили, вы пропадали больше четырех часов, не откладываетесь!

Фульвия (*возмущившись жестокой несправедливостью, прекращает разговор*). Хорошо, довольно! Пусть она решает дело с отцом! А я пойду к моей девочке.

Фульвия собирается уходить через первую дверь справа, когда из второй двери сирапа входит Ливия, готовая к отъезду.

Фульвия (*останавливаясь*). Что это такое, Ливия? Что за сумасбродство!

Ливия. Где мой отец?

Фульвия. Ты собралась ехать? Куда ты хочешь ехать?

Ливия. Это мое дело.

Фульвия. Ты говоришь серьезно? Но так поздно! И почему? Без всякой причины?

Ливия. Я знаю причину. И вы должны были бы ее знать.

Фульвия (*пораженная тем, что она обращается к ней на «вы»*). Ты мне говоришь «вы»! Хорошую встречу ты мне подготовила! Но что же, собственно говоря, случилось? Что это за причина, которую я должна знать?

Ливия. Я хочу говорить с моим отцом. Где он?

Фульвия. Неужели ты воображаешь, что твой отец позволит тебе уехать?

Ливия. Мой отец не имеет права держать меня здесь, рядом с вами!

Фульвия. Ты хочешь сказать: «рядом с тобой»?

Ливия. Нет, рядом с вами!

Фульвия (*смотрит на нее, сдерживаясь*). Ну что ж, говори, как тебе нравится. Но почему ты думаешь, что твой отец...

Ливия. Об этом я буду говорить с ним...

Фульвия. Да, конечно, говори с ним. Я устала... Ты даже не видела, как и с кем я приехала... (*Хочет идти*.)

Ливия. Идите, идите! Тем лучше. Здесь теперь будет другая! Она будет для всех...

Фульвия (*у которой мелькнула надежда, что Ливия хочет уехать из ревности*). Ах, так вот ты из-за чего! Нет, Ливия, ты себе представить не можешь, какое огромное желание было у меня, когда я ехала сюда, прижать к сердцу тебя вместе с этой девочкой... (*Хочет обнять ее*.)

Ливия (*с отвращением отшатнулась от нее*). Нет, нет, оставьте меня! Покорно благодарю... Я не могу себя ставить рядом с этой...

Фульвия (*с нечеловеческим усилием стараясь овладеть собой, принимает оскорбление на себя, чтобы снять его с ребенка*). Это отосится ко мне, Ливия? Так ведь? Ты не про ребенка?

Ливия. И к вам и к ней!

Фульвия. Нет, нет, ты можешь говорить про меня что хочешь, но ведь она твоя сестра!

Ливия. Она может сделаться моей сестрой, но сейчас — нет! Это неправда!

Фульвия. Как — неправда?

Ливия. Это неправда, потому что вы не жена моего отца!

Фульвия. Я не жена твоего отца? Тогда кто же я?

Ливия. Вы лучше меня знаете, кто вы такая!

Фульвия (*снова с проблеском надежды*). Так вот это что! Ты презираешь меня... но если только за это, Ливия... Я даже не знаю, как ты могла подумать!..

Ливия. Где ваше брачное свидетельство?

Фульвия (*сначала к Эрнестине, потом к Бетте*).
Так вот он, заговор! Так вы вдвоем производили расследование! (*Указывает на Бетту и Ливию*.)

Ливия. Его у вас нет! Его у вас нет!

Фульвия (*гордо прерывает ее*). Нет, есть! Ты плохо искала! Оно есть!

Ливия. Слов мало, нужны доказательства!

Фульвия. Умоляю тебя, Ливия, не заставляй меня говорить... из жалости к тебе самой... не ко мне... не доводи меня до этого. Умоляю тебя! Я правда так устала!

Ливия. Нет, нет надобности, чтобы вы говорили. Я удовлетворюсь этим.

Фульвия. Чем ты удовлетворишься?

Ливия. Да этим признанием.

Фульвия. Каким?

Ливия. Да тем, что вы скрываете из жалости ко мне!
Правду, которую вы не смеете мне сказать!

Фульвия. Да нет же! Я ничего не скрываю!

Ливия. Вы умоляли не заставлять вас говорить. Что?
Что-нибудь касающееся меня?

Фульвия. Нет, нет, это вовсе не касается тебя!

Ливия. Ну тогда что же? То, что касается вас?

Фульвия. Да...

Ливия. Могу себе представить!

Фульвия. Ты ничего не можешь себе представить!
Ты не можешь себе этого представить! И это лучше. Говорю тебе, что это лучше для тебя! А теперь оставь меня в покое!

Ливия. Я оставлю вас в покое, потому что я уезжаю!

Фульвия. Ты не можешь уехать, не должна!..
Я целый год выносила эту муку здесь, чтобы ты оставалась по крайней мере со своим отцом, если уж ты не хочешь оставаться со мной.

Ливия смотрит на нее со злобой.

(Сейчас же меняя тон.) Ну, не могла, хорошо, не могла, и я не принуждала тебя. Я старалась быть для тебя матерью, настоящей матерью, пока не увидела, что ты не хочешь отвечать на мою любовь, что она тебе неприятна, противна! Ну что же, теперь я ничего от тебя не хочу! Продолжай презирать меня! Но я законная жена твоего

отца. Я говорю тебе это не ради меня, а ради моего ребенка, которого ты должна любить, даже если не познаешь меня! Она, твоя сестра, такая же моя дочь, как и ты! Вы обе равны, и это ты должна понять сейчас, сию минуту! Никакой разницы между вами нет! Я не могу допустить, чтобы ты думала, что существует хоть малейшая разница между вами!

Ливия. Разница в материах! Этого вы не можете отрицать!

Фульвия (*теряя всякое самообладание*). Нет, и тут нет разницы!

Ливия (*холодно и с еще большей иронией*). Как? Даже и тут? Разве мы дочери одной матери?

Фульвия. А кто же, ты думаешь, я? Что ты думаешь обо мне?

Ливия. Наверное, то, что вы считаете нужным скрывать от меня.

Фульвия. И ты хочешь все это свалить на голову моей дочери? Ну уж нет!

Ливия. Моя мать...

Фульвия. Твоя мать! Перестань, пожалуйста! Ты ее не знала!

Ливия. Да, я не знала ее, но я знаю, какой она была... И я знаю, кто вы такая!

Фульвия. Кто я такая? (*Хватает ее за плечи и в порыве страшного гнева трясет ее.*) Что ты можешь знать? Да! Ты уверена в этом, и ты не хочешь выбить это из головы? И ты думаешь, что у моей дочери мать потаскунка? Да? Да? Ну, тогда знай же, что и ты дочь потаскунки!

Ливия (*подавленная, в ужасе*). Нет, нет!

Фульвия. Да, да! Вы обе дочери одной матери! Я твоя мать! Да, я! Я! Понимаешь ты теперь! Тебя уверили, что я умерла? Но это ложь! Я вот тут перед тобой! Я твоя мать! И ты и она — вы обе мои и равные между собой! Я мать и твоя и ее! Никакой разницы! Никакой разницы! Ах, паконец я свободна! Наконец я дышу!

При этих словах с веранды вбегает в комнату Сильвио вместе с Маурой. Сильвио подхватывает за руки Ливию, котораяпадает без чувств.

Сильвио (*прижимая Ливию к груди*). Ты убила ее!

Фульвия. Твоя ложь убила ее! Ты хотел, чтобы эта ложь тяготела также и над другой и раздавила бы ее!
Нет, нет!

Сильвио. Но ты не можешь теперь здесь оставаться!

Фульвия. Я уеду! Я уеду! Но не так, как раньше!
Моя девочка! (К Маури.) Иди. Иди туда, привеси мою дочь. (Показывает ему на первую дверь справа.)

Маури бежит туда.

Моя девочка!

Сильвио (стараясь привести в чувство Ливию).
Ливия! Ливия!

Фульвия (которая подошла к двери направо, дрожа от нетерпения и ожидания, пока Маури принесет ей ребенка). Что Ливия! На этот раз я уношу с собой мою Ливию! Скажи это ей, твоей, когда она придет в себя! Да, я унесла мою с собой, живую, и я тоже жива! Я ухожу в новую жизнь, к счастью!

Занавес